

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ

П Е Р Р О

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКАГО

ИВАНА ТУРГЕНЕВА

РИСУНКИ ГУСТАВА ДОРЭ

САНКТПЕТЕРБУРГ И МОСКВА

ИЗДАНИЕ КНИГПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА

1867

АВГУСТЕЙШЕМУ ИМЕНИ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Разказы французскаго сказочника усвоил нашей литературе один из любимейших народных русских писателей. Эти разказы послужат детям источником невинных удовольствий, посильною пищею для развития молодаго ума и вкуса. В детях сегоднишних вся будущность народа, а потому эту книжку, как ни скромна она по содержанию, осмеливается поднести Августейшей Покровительнице детского воспитания,

верноподданнейший

Маврикий Вольф.

Сказки Перро пользуются в целой Европе особенной популярностью; русским детям они сравнительно меньше известны, что происходит, вероятно, от недостатка хороших переводов и изданий. Действительно: несмотря на свою несколько щепетильную, старофранцузскую грацию, сказки Перро заслуживают почетное место в детской литературе. Они веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензией; в них еще чувствуется веяние народной поэзии, их некогда создавшей; в них есть именно та смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла. Наше положительное и просвещенное время начинает изобиловать положительными и просвещенными людьми, которым не нравится именно эта примесь чудесного: воспитание ребенка, по их понятиям, должно быть делом не только важным, но и серьезным и вместо сказок ему следует вручать маленькие геологические и физиологические трактаты. Случалось же нам столкнуться с одной воспитательницей (правда, она была старая девица из ост-зейских немок и писала статьи в журналах с направлением, но без подписчиков), которая тщательно устранила девочку, порученную ее надзору, ото всякого соприкосновения с другими детьми для того, чтобы, как выражалась почтенная наставница, ни один ложный факт не водворился в юной голове. Девочка выросла и превратилась в отъявленную кокетку, — но уже это, как известно, не вина теории, остающейся непогрешительной по-прежнему. Как бы то ни было, нам кажется весьма трудным и едва ли полезным до поры до времени изгонять все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображение без пищи, заменить сказку рассказом. Учитель, бесспорно, нужен ребенку, да и нянька ему нужна.

Остроумный издатель сказок Перро, Ж. Гетцель, известный в литературе под псевдонимом П. Сталя, в предисловии своем замечает

очень справедливо, что не следует опасаться чудесного для детей. Не говоря уже о том, что многие из них не дают себя в обман вполне и, забавляясь красотой и миловидностью своей игрушки, в сущности, очень твердо знают, что этого никогда не случалось — (вспомните, господа, как вы езжали верхом на палочках; ведь вы знали, что это под вами не лошади, а дело все-таки выходило совершенно правдоподобно, и удовольствие получалось отличное): но даже те дети (и это большей частью самые даровитые и умные головки), которые безусловно верят всем чудесам сказки, очень хорошо умеют тотчас отрешиться от этой веры, как только час тому настанет. „Дети, как взрослые, берут в книжках только то, что им нужно, и пока оно им нужно”. Гетцель прав: не в этом направлении лежат опасности и трудности детского воспитания.

Мы сейчас сказали, что одной из причин относительной неизвестности у нас сказок Перро мы полагаем недостаток хороших переводов и изданий. Публике предоставляется судить, насколько наш перевод удовлетворителен; что же касается до настоящего издания, то подобного ему не было еще не только у нас в России, но и за границей; а имя гениального рисовальщика Густава Дорэ стало слишком громким и не нуждается ни в каких похвалах.

Карл Перро родился в Париже в 1628-м году и умер там же в 1697-м. В 1693-м году, будучи 65 лет от роду, он напечатал первое издание своих сказок — „Contes de ma mère l’Oie” под именем своего одиннадцатилетнего сына и написанных для него. Карла Перро не должно смешивать с его братом, Клавдием, медиком и архитектором, автором луврской колоннады.

Иван Тургенев.

Красная Шапочка.

Жила-была в одной деревушке девочка красоты невиданной: мать от нее без ума была, а бабушка совсем на ней помешалась. Эта добрая старушка купила ей красную шапочку, которая так девочке к лицу пристала, что от шапочки ей и кличка пошла, и везде звали ее Красной Шапочкой.

Раз мать вынула из печи пироги и говорит ей:

— Сходи-ка к бабушке понаведаться; сказывают, она нездорова. Да снеси ей пирожок и горшочек масла.

Красная Шапочка сейчас встала и отправилась к бабушке, которая жила в другой деревне. Только идет она лесом и встречает волка. Волк хотел бы ее съесть, да не смеет, потому что поблизости дровосеки слышны. Вот он и спрашивает:

— Куда ты идешь ?

Бедная девочка не знала, что с волком опасно останавливаться растабарывать, и отвечает ему:

— Иду к бабушке; несую ей от матушки пирожок да горшочек масла.

— А далеко бабушка живет? — спрашивает волк.

— О, далеко! — отвечает Красная Шапочка. — По за тою мельницею, что вон-вон виднеется впереди; а там будет первый дом, как войдешь в деревню.

— Знаешь что, — говорит ей волк, — пойду-ка и я к бабушке. Я пойду этой дорогой, а ты ступай тою: посмотрим, кто из нас скорее дойдет.

И волк бросился изо всех сил бежать по самой короткой дороге, а девочка побрела шажком по самой длинной. На пути она собирала орехи, гонялась за бабочками, рвала цветы. Она еще забавлялась дорогою, как волк уже прискакал к бабушкину дому.

Постучался:

— Стук, стук.

— Кто там такой?

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, — отвечал волк, переменив голос, — пирожок несу да горшочек масла: матушка прислала.

Бабушка лежала в постели, потому что ей немного нездоровилось, и кричит оттуда:

— Дерни за веревочку, засов отойдет.

Волк дернул за веревочку, дверь отворилась. Он бросился на старушку и разом проглотил ее, потому что уже больше трех дней ничего не кушал.

Потом он запер дверь, улегся в бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку, которая через несколько времени пришла и постучалась:

— Стук, стук.

— Кто там такой?

Услышав грубый волчий голос, Красная Шапочка сперва было испугалась, но, подумав, что, верно, у бабушки насморк, отвечала:

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка; пирожок несу да горшочек масла: матушка прислала.

Волк крикнул как только мог тонким голосом:

— Дерни за веревочку, засов отойдет.

Красная Шапочка дернула за веревочку, дверь отворилась. Когда девочка вошла, волк закутался хорошенько в одеяло, чтобы она его не узнала, и говорит:

— Положи куда-нибудь пирожок да горшочек масла и иди приляг со мною.

Красная Шапочка разделась и легла в постель. Ее очень удивило, что без платья бабушка такая странная. Она и говорит:

— Бабушка, какие у вас длинные руки!

— Это, внучка, чтобы получше тебя обнимать.

— Бабушка, какие у вас длинные ноги!

— Это, внучка, чтобы получше бегать.

— Бабушка, какие у вас большие уши!

— Это, внучка, чтобы получше тебя слышать.

— Бабушка, какие у вас большие глаза!

— Это, внучка, чтобы получше тебя видеть.

— Бабушка, какие у вас большие зубы!

— Это чтобы тебя съесть!

И с этими словами злой волк бросился на Красную Шапочку и съел ее.

Мальчик-с-Пальчик.

Жил-был дровосек с дровосечихой, и было у них семеро детей, все семеро сыновья. Самому старшему было десять лет, самому младшему семь. Станным покажется, что дровосек нажил столько детей в такой короткий промежуток времени, но у жены его работа кипела, и она иначе и не рожала, как двойни.

Они были очень бедны и семеро детей были им в тягость, потому что ни один из ребятишек не мог еще ходить на заработки. Еще огорчало их то, что самый младший был очень деликатного сложения и все молчал. Они считали его дурачком, ибо принимали за глупость то, что, напротив, доказывало ум.

Этот младший был очень маленького роста. Когда он родился на свет, весь-то он был не больше пальца. Оттого и прозвали его Мальчик-с-Пальчик. Бедняжка был в загоне у всего дома и всегда во всем без вины виноват. Но он был самый рассудительный, самый смысленый изо всех братьев: говорил он мало, зато много слушал.

Случился неурожайный год и такой голод, что эти бедняки решились бросить своих детей.

Раз вечером, уложив их спать, греется дровосек с женою у огня и говорит ей, а у самого сердце так и ноет:

— Жена, мы больше не в состоянии прокормить ребятишек. Я не вынесу, если они на наших глазах умрут с голоду. Возьмем их завтра, поведем в лес и там бросим: пока они будут играть, собирая хворост, мы потихоньку уйдем.

— Ах, — вскричала дровосечиха, — не стыдно ли тебе замышлять гибель своих родных детей!

Муж принялся уговаривать жену, представляя, в какой они находятся нищете, но та не соглашалась, ибо, хотя находилась она и в бедности, но была мать своим детям. Однако сообразив, как ей будет горестно, если они все умрут с голоду перед ее глазами, наконец согласилась и вся заплаканная легла спать.

Мальчик-с-Пальчик не проронил ни одного слова из того, что они говорили, ибо, заслышав со своей кровати, что отец с матерью толкуют о чем-то важном, он потихоньку встал и спрятался под скамейку, откуда все и слышал.

Улегшись опять в постель, он всю ночь не смыкал глаз, все раздумывал, что теперь следует делать. Утром он встал ранехонько, пошел к реке, набил карманы маленькими белыми камешками и потом возвратился домой.

Скоро отправились в лес. Мальчик-с-Пальчик ничего не рассказал братьям из того, что он узнал.

Зашли они в лес дремучий, где за десять шагов не видать друг друга. Дровосек начал рубить деревья, дети — собирать хворост. Когда они углубились в свою работу, отец с матерью понемножку отошли от них и потом вдруг убежали по секретной дорожке.

Оставшись одни, дети раскричались и расплакались. Мальчик-с-Пальчик не мешал им: он знал, как возвратиться домой, ибо, идучи в лес, он всю дорогу бросал из карманов маленькие белые камешки. Поэтому он им и стал говорить:

— Не бойтесь, братцы! Отец с матерью нас бросили, а я вас домой приведу; только идите за мною.

Все пошли за ним, и он привел их домой тою самою дорогою, по которой они отправились в лес. Прямо войти в избу они побоялись, но прислонились все к двери и стали слушать, что говорят отец с матерью.

А надобно знать, что, когда дровосек с дровосечихой возвратились из леса, помещик того села прислал им десять рублей, которые с давних пор был им должен и на которые они уже махнули рукою. Это их спасло, ибо бедняки уже совсем умирали с голоду.

Дровосек сейчас послал жену в мясную лавку. Как они давно уже ничего не ели, то жена купила втрое больше мяса, чем нужно для двух человек.

Покушав вволю, дровосечиха и говорит:

— Ах, где-то теперь наши бедные детки! Как бы они славно поели остатков! А все мы, Иван, мы всему причина! Ведь говорила я тебе, что будем мы после плакать! Ну что они теперь делают в этом дремучем лесу! Ах, боже мой, может быть, их уже съели волки! И как у тебя духу хватило загубить своих родных детей!

Дровосек наконец рассердился, ибо она раз двадцать повторила, что будет он раскаиваться и что она его предупреждала. Он погрозил, что поколотит ее, если она не перестанет.

И сам-то дровосек досадовал, может быть, еще сильнее жены, но она ему надоела своими попреками. Дровосек, подобно многим другим людям, любил спрашивать советы, но терпеть не мог, чтобы ему кололи глаза советами, которых он не послушал.

Дровосечиха так и разливалась слезами.

— Господи, — плакалась она, — где теперь мои детки, где мои бедные детки!

И наконец проговорила эти слова так громко, что дети, стоявшие у дверей, услышали ее и разом закричали:

— Мы здесь! Мы здесь!

Дровосечиха бросилась отворить им двери и, целуя их, сказала:

— Как я рада вас видеть, мои милые детки! Вы, должно быть, очень устали и крепко проголодались. А ты, Петруша, как ты переначкался! Дай я тебя умою.

Петруша был старший сын, которого она любила больше всех, потому что он был рыжеват, и она сама была немножко рыжая.

Дети сели за стол и поужинали с аппетитом, что доставило отцу с матерью большое удовольствие. Потом они описали, как им было страшно в лесу, рассказывая это почти все разом.

Добрые люди не нарадовались возвращению своих детей, и радость их продолжалась до тех пор, пока не истратились деньги. Но когда десять рублей ушли на издержки, дровосеком с дровосечихой овладело прежнее горе, и они решились опять бросить детей, а чтобы и в этот раз не промахнуться, завести их подальше прежнего. Как они секретно об этом ни переговаривались, однако Мальчик-с-Пальчик их подслушал. Он надеялся вывернуться тем же манером; но хоть и встал он раным-ранешенько, белых камешков не мог он набрать, ибо двери в избе были заперты на ключ...

Мальчик-с-Пальчик все еще раздумывал, что делать, когда мать раздала детям по куску хлеба на завтрак. Тут ему пришло в голову, нельзя ли употребить хлеб вместо камешков и разбросать его дорогою по крошкам. С такою мыслью он спрятал хлеб в карман.

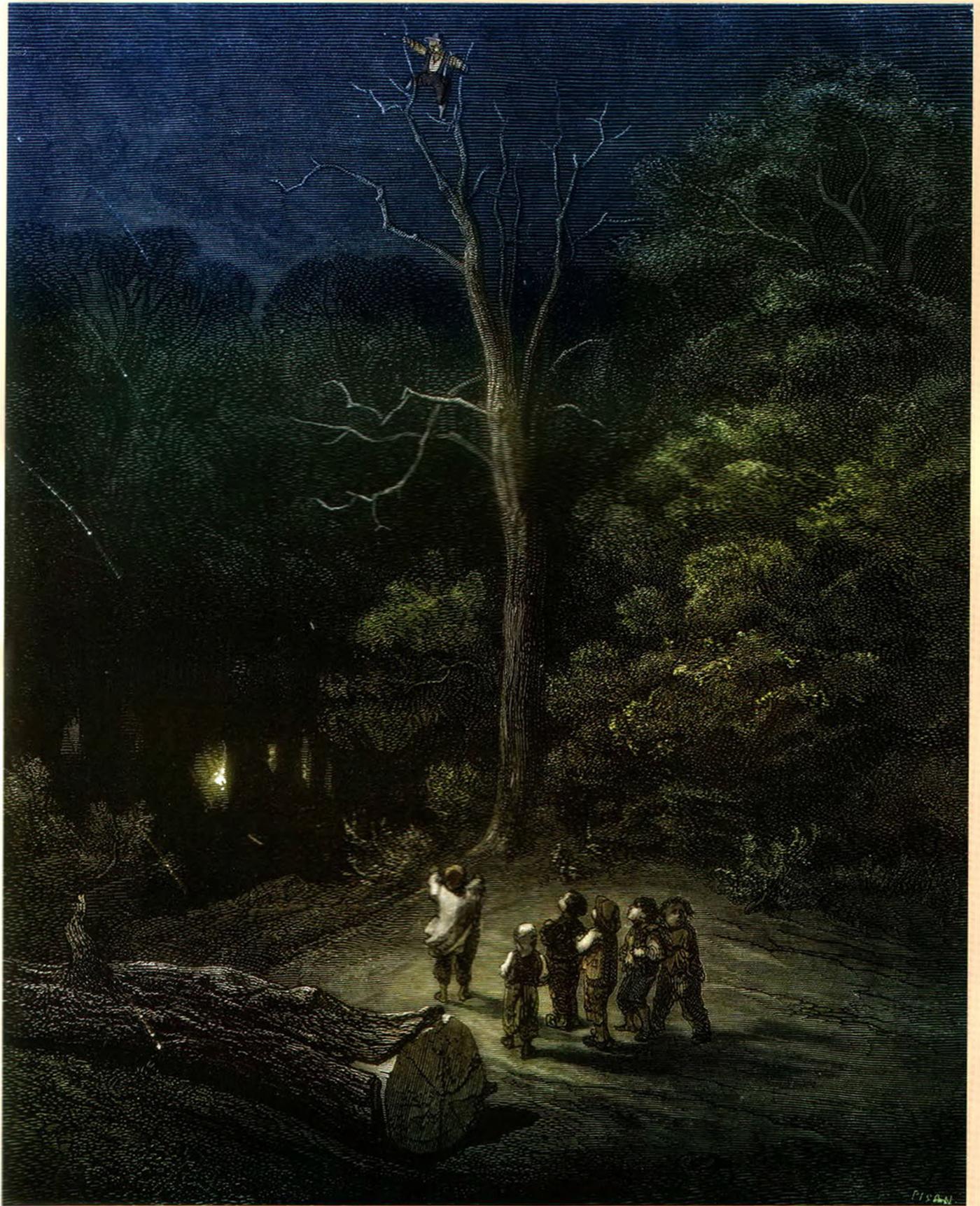
Отец с матерью завели детей в самую густую, самую непроходимую чащу дремучего леса, и как только там очутились, так сейчас бросили их, а сами ушли секретной дорожкой.

Мальчик-с-Пальчик не слишком-то опечалился, ибо надеялся легко найти дорогу по крошкам хлеба, которые он везде рассыпал. Но как же он удивился, когда, начав искать, не нашел нигде ни одной крошки! Птицы пролетные мимо летели да все и съели.

Попали дети в беду. Чем больше они продирались сквозь лес, тем больше плутали, тем больше уходили в чащу. Настала ночь, поднялся сильный ветер и навел на них страшный ужас. Чудилось им, что со всех сторон воют и бросаются на них волки. Они не смели ни слова произнести, ни повернуть голову.

Потом хлынул проливной дождь и промочил их до костей. На каждом шагу они спотыкались, падали в грязь, а поднимаясь, не знали, куда деться со своими перепачканными руками.

Мальчик-с-Пальчик взлез на дерево посмотреть, нет ли вблизи жилья человеческого. Смотрит он во все стороны и видит — точно свеча светится, но далеко-далеко за лесом. Он слез с дерева. Глядит: с земли ничего не видно; это его огорчило.

G. Day

H. PISAN

Однако они пошли в ту сторону, откуда виднелся свет, и, выбравшись из леса, опять его увидали. Наконец они дошли до домика, где свет горел, дошли не без новых страстей, ибо свет часто пропадал из виду, — всякий раз, как они проваливались в какую-нибудь трещину.

Постучались дети в двери. Вышла старушка, спрашивает, что им нужно.

Мальчик-с-Пальчик отвечает, что так и так, они — бедные дети, заблудились в лесу, просят приютить их Христа ради.

Увидав, какие они все молоденькие, старушка заплакала и говорит им:

— Ах, детки мои бедные, куда это вас занесло! Да знаете ли вы, что здесь живет Людоед? Он вас съест!

— Ах, сударыня, — отвечал Мальчик-с-Пальчик, дрожа всем телом, братья его тоже дрожали, — как же нам быть? Ведь если вы нас прогоните, нас все равно заедят в лесу волки! Так пусть уж скушает нас ваш супруг. Да он, может быть, и смилуется над нами, если вы его хорошенько попросите.

Старушка, подумав, авось не удастся ли спрятать детей до утра от мужа, впустила их и посадила греться к огню, где целый баран жарился на вертеле на ужин Людоеду.

Едва дети начали греться, как послышался громкий стук в двери: Людоед возвращался домой. Жена сейчас спрятала их под кровать и пошла отворить двери.

Людоед спросил, готов ли ужин и нацежено ли вино, потом сел за стол. Баран еще не дожарился, был весь в крови, но от этого показался ему еще вкуснее. Вдруг Людоед давай нюхать направо и налево, говоря, что слышит человеческое мясо...

— Это, должно быть, вот тот теленок, — отвечала жена. — я сейчас сняла с него шкуру.

— Говорят тебе, слышу человечесьё мясо, — закричал Людоед, поглядывая на жену косо. — Здесь кто-то есть.

С этими словами он встал и прямо подошел к кровати.

— А! — завопил он. — Так вот как ты меня надуваешь, проклятая баба! Вот я возьму да тебя саму съем! Счастье твое, что ты такая старая скотина! Э-ге-ге, кстати подошла эта дичинка: будет чем угостить приятелей, которых я зазвал на днях отобедать.

И одного за другим он вытащил детей из-под кровати.

Дети бросились на колени, стали просить пощады, но они попались в руки самому злому изо всех Людоедов, который не имел жалости и уже пожирал их глазами, приговаривая, что под хорошим соусом это будут лакомые кусочки...

Он уже взял было большой нож и, подойдя к детям, стал точить его на длинном точильном камне...

Он уже схватил было одного, как тут жена его вмешалась.

— И чего ты торопишься, — заговорила она. — Ведь уже поздно. Разве не будет времени завтра?

— Молчи! — крикнул Людоед. — Я хочу сегодня, чтоб им было досадней.

— Да ведь мяса у нас еще целый ворох, — продолжала жена. — смотри, вот теленок, два барана, полсвиньи...

— Правда твоя, — отвечал Людоед. — Ну так накорми их вплотную, чтобы не исхудали, и уложи спать.

Добрая старушка, вне себя от радости, подала детям отличный ужин, но желудок у них не принимал пищи, до того они перенугались.

А сам Людоед принялся тянуть вино в восторге, что будет чем угостить приятелей на славу. И хватил он стаканов двенадцать больше обыкновенного, так что голова у него несколько закружилась, и он отправился спать.

У Людоеда было семеро дочерей, еще в ребяческом возрасте. Эти маленькие людоедки имели прекрасный цвет лица, потому что питались человеческим мясом, в подражание папаше. Но глаза у них были чуть заметные, серые, круглые; нос — крючком, рот — непомерной величины с длинными, острыми, редкими зубами. Они были еще не очень злы, но уже показывали свирепый характер, ибо кусали маленьких детей и пили их кровь.

Их уложили спать спозаранку. Все семеро лежали на большой кровати, и у каждой из семерых был на голове золотой веночек.

В той же самой комнате стояла другая кровать, такой же величины. На эту-то кровать жена Людоеда положила семерых мальчиков, после чего и сама отправилась спать к своему мужу.

Мальчик-с-Пальчик заметил, что у дочерей Людоеда на головах золотые венки. Он боялся, чтобы Людоеду не пришла вдруг фантазия теперь же их зарезать. Вот он взял да и поднялся посреди ночи, снял с братьев и со своей головы ночные шапочки, снял также — потихоньку — золотые венки с дочерей Людоеда и надел им на головы шапочки, а себе и братьям — венки, для того, чтобы Людоед принял мальчиков за своих дочерей, а дочерей своих — за мальчиков, которых он хотел перерезать.

Штука удалась, как он рассчитывал. Людоед проснулся и стал жалеть, зачем он отложил на завтра то, что мог сделать сегодня.

Он тотчас соскочил с кровати и, схватив большой нож, сказал:

— А посмотрим-ка, что поделявают наши мальчуганы. Нечего тут церемониться: порешить с ними сейчас.

Пробрался он оцунью в комнату своих дочерей и подошел к кровати, где были мальчики. Все они спали, кроме Мальчика-с-Пальчика, который ужасно испугался, когда Людоед, оцупав голову других братьев, стал щупать его голову.

Почувствовав золотые венки, Людоед сказал:

— Ну вот! Чуть было я не наделал глупостей! Должно быть, я вчера лишнее выпил.

И он отправился к кровати своих дочерей. Нащупав шапочки дровосечьих детей, он сказал:

— А, вот где мои молодцы. Кончай их смелее!

И с этими словами он, не задумываясь, перерезал горло своим семерым дочерям...

Потом, довольный своим подвигом, Людоед пошел спать к жене.

Как только Мальчик-с-Пальчик услышал, что Людоед захрапел, он сей час разбудил братьев и приказал скорее одеваться и идти за ним. Они вышли потихоньку в сад, перескочили через стену и целую ночь бежали куда глаза глядят, дрожа всем телом и не ведая, куда они идут.

Проснувшись, Людоед и говорит жене:

— Ступай наверх, убери вчерашних мальчуганов.

Людоедку очень удивила такая заботливость, ибо, не поняв, в каком именно смысле муж приказывает ей убрать детей, она подумала, что это значит приодеть их. Поднялась она наверх — и с изумлением видит, что все семеро дочерей зарезаны, плавают в крови. Она упала в обморок: в подобных случаях все женщины прибегают к этому маневру.

Людоед, опасаясь, чтобы жена не провозилась слишком долго, тоже пошел наверх, помочь ей. И он изумился не меньше жены при виде страшного зрелища.

— Ах, что я наделал! — вскричал он. — Доберусь же я до этих мерзавцев, да сию же минуту!

Он сейчас прыснул пригоршню воды в нос своей жене и, приводя ее в чувство, говорит:

— Давай мне скорее семимильные сапоги; пойду догонять детишек.

Побежал он, порыскал то там, то сям и наконец попал на дорогу, которой шли бедные дети. А им оставалось всего шагов сто до отцовского дома!

Видят они — летит Людоед с горки на горку, перепрыгивая через большие реки, точно через маленькие канавки...

Мальчик-с-Пальчик заметил неподалеку пещеру в скале, спрятал в нее братьев и сам туда забился, сидит и смотрит, что станет делать Людоед.

Людоед устал от напрасной беготни (ибо семимильные сапоги очень утомляют человека), захотел отдохнуть и присел как раз на ту самую скалу, под которой спрятались мальчики.

Так как он совсем выбился из сил, то через несколько времени заснул и принялся так ужасно храпеть, что бедным детям было не менее страшно, когда он грозил им своим большим ножом.

Однако Мальчик-с-Пальчик не потерял головы. Он сказал братьям, чтобы, пока Людоед спит, они бежали скорее домой, а о нем не беспокоились. Братья послушались совета и живо пробрались в избу.

Мальчик же с Пальчик подкрался к Людоеду, потихоньку стащил с него сапоги и сейчас надел их на себя.

Эти сапоги были очень велики и очень широки, но так как они были заколдованы, то увеличивались или уменьшались, смотря по тому, на какую ногу их надевали, так что Мальчику-с-Пальчику они пришлись как раз в пору, точно их заказывали нарочно для него.

Мальчик-с-Пальчик пошел прямо к дому Людоеда, где жена его все плакала над своими зарезанными дочерьми.

— Ваш супруг, — сказал ей Мальчик-с-Пальчик, — находится в большой опасности. На него напали разбойники и грозят убить его, если он не отдаст им все свое золото и все свое серебро. Они уже начали было его резать, но он увидел меня и попросил известить вас о его несчастье, да сказать, чтобы вы дали мне все, что только ни есть ценного в доме, не жалея ничего, ибо в противном случае разбойники убьют его без милосердия. Так как время не терпит, то он надел на меня вот эти свои семимильные сапоги, чтобы дело сделалось скорее, а также, чтобы вы не сочли меня за обманщика.

Бедная старушка перепугалась и отдала все, что имела, ибо Людоед, хоть и кушал маленьких детей, но был хороший муж, и она его любила.

Забрав все сокровища Людоеда, Мальчик-с-Пальчик возвратился домой, где его встретили с большой радостью.

Историки не согласны между собой относительно этого последнего обстоятельства. Некоторые из них утверждают, что Мальчик-с-Пальчик никогда не обкрадывал Людоеда: он, правда, не задумался взять у него семимильные сапоги, но это лишь потому, что сапоги служили Людоеду для погони за маленькими детьми...

Эти историки уверяют, что знают дело из верных рук, ибо им случалось и есть и пить у дровосека. Они уверяют также, что, на-

дев людоедские сапоги. Мальчик-с-Пальчик отправился ко двору, где тогда очень беспокоились об участии армии, находившейся за тысячу верст от столицы, и об исходе сражения, которое должно было произойти.

Мальчик-с-Пальчик, говорят эти историки, явился к королю и объявил, что, если угодно, он к вечеру принесет известия из армии. Король обещал ему большой куш денег, если он исполнит поручение к сроку.

К вечеру Мальчик-с-Пальчик принес известия... С этой поры он стал зарабатывать много денег, ибо король щедро платил ему за свои поручения в армию, да кроме того он пропасть получал от дам за известия от их женихов. Это в особенности доставляло ему большие барыши. Правда, иногда и жены посылали его с письмами к своим мужьям, но они платили так дешево и эти комиссии доставляли ему так мало, что Мальчик-с-Пальчик не хотел и считать свою супружескую выручку.

Пробыв несколько времени гонцом и нажив большое состояние, он возвратился домой, где его встретили с такою радостью, что и вообразить нельзя.

Мальчик-с-Пальчик обеспечил всю свою семью. Он доставил отцу место, братьям — тоже и таким образом всех их пристроил. Да и сам получил придворную должность.

Спящая Красавица.

Жил-был король с королевой, и были они бездетны. Это их так огорчало, так огорчало, что и рассказать нельзя. Пили они всякие воды, обеты давали, ходили на богомолье, что ни делали, ничто не помогало. Однако королева-таки забеременела и родила дочь.

Справили богатые крестины. В крестные матери позвали всех волшебниц, какие только жили в королевстве (счетом их нашлось семь) для того чтобы, по обычаю тогдашних волшебниц, каждая из них сделала маленькой принцессе какой-нибудь посул и чтобы таким образом принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

Окрестив принцессу, вся компания возвратилась в королевский дворец, где для волшебниц приготовили роскошное угощение. За прибором каждой из них положили великолепный футляр чистого золота, в котором находились золотая ложка, вилка и ножик, усыпанные брилантами и рубинами. Уже садились за стол, как вдруг в залу вошла старая колдунья, которую не приглашали, по-

тому что она уже больше пятидесяти лет не показывалась из своей башни и все считали ее умершей или очарованной.

Король приказал поставить и ей прибор; но неоткуда было взять для нее, как для других волшебниц, футляр чистого золота, потому что таких футляров заказали всего лишь семь, по числу семи приглашенных крестных. Старая карга вообразила, что это сделано ей в насмешку, и принялась ворчать сквозь зубы.

Одна из молодых волшебниц, сидевшая возле старухи, услышала ее бормотню. Сообразив, что колдунья может сделать маленькой принцессе какой-нибудь недобрый посул, тотчас после обеда она пошла спрятаться за занавески, для того, чтобы говорить после всех и, таким образом, иметь возможность поправить зло, которое наделает колдунья.

Скоро волшебницы начали говорить принцессе свои посулы. Самая младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете; вторая затем — что она будет умна, как ангел; третья — что она будет мастерица на все руки; четвертая — что она будет отлично танцевать; пятая — что голос у нее будет соловьиный, а шестая — что она с большим искусством будет играть на всяких инструментах.

Когда черед дошел до старой колдуньи, та затрясла головой (больше от злости, чем от старости) и сказала, что принцесса проткнет себе руку веретеном и от этого умрет. От такого ужасного предсказания все гости затрепетали, и никто не мог удержать свои слезы.

Но тут молодая волшебница вышла из-за занавесок и громко произнесла:

— Успокойтесь, король с королевой! Дочь ваша не умрет! Правда, не в моей власти вовсе отменить то, чем пригрозила ста-

рая колдунья: принцесса проткнет себе руку веретеном. Но она не умрет от этого, а только заснет глубоким сном, который продолжится сто лет. Тогда придет молодой король и ее разбудит.

Однако, несмотря на это обещание, король со своей стороны попробовал устранить беду, напрогноченную колдуньей. Для этого он сейчас издал указ, которым под страхом смертной казни за неисполнение запретил всем и каждому в королевстве употреблять веретено или даже просто держать веретено у себя в доме.

Лет этак через пятнадцать или шестнадцать король с королевой поехали в свой увеселительный замок. Там принцесса, бегая по комнатам и поднимаясь с одного этажа на другой, взобралась раз под самую крышу, где — видит она — сидит в каморке старушонка и сучит веретеном. Эта добрая старушка и слыхом не слыхала, что король наложил на веретено строгое запрещение.

— Что ты, бабушка, делаешь? — спросила принцесса.

— Сучу, дитячко, — отвечала старушка, которая ее не знала.

— Ах, как это славно! — сказала опять принцесса. — Как же это ты сучишь? Дай-ка, милая, посмотреть, может-быть, и я тоже сумею.

Взяла она веретено, и как она была вертлява и немножко шаловлива, да как и по пророчествам волшебниц тому следовало случиться, то как только она веретено взяла, так сейчас руку им себе проткнула и упала без чувств.

Старушонка перепугалась и давай кричать караул. Со всех сторон сбегались люди; брызгают принцессе в лицо водою, расшнуровывают ее, хлопают ей в ладони, трут ей виски уксусом четырех разбойников: нет, в себя не приходит. Тогда король, который тоже

пришел на шум, вспомнил пророчество волшебниц и, видя, что судьбы не минуешь, когда ее волшебницы предсказали, приказал положить принцессу в самом лучшем покое дворца на кровать из парчи, золота и серебра.

Точно ангел лежала принцесса, так была она красива, ибо обморок не испортил цвет ее лица: щечки были алые, губки как кораллы. Только глазки закрылись... Но ровное дыхание доказывало, что она жива. Король приказал не тревожить сон принцессы, пока не придет ей час проснуться.

Когда с принцессой приключилась эта беда, добрая волшебница — та, что спасла ей жизнь, заменив смерть столетним сном, находилась в некотором царстве, в далеком государстве, верст тысяч за сорок оттуда, но ей сию же минуту принес известие карлик в семимильных сапогах (это были такие сапоги, которые отхватывали по семи миль каждым взмахом). Волшебница тотчас пустилась в дорогу и через час приехала в замок на огненной колеснице, запряженной драконами.

Король побежал высадить ее из колесницы. Волшебница одобрила все его приказания; но как она видела далеко вперед, то и рассудила, что, проснувшись через сто лет, принцесса будет очень недовольна, если все между тем перемрут и она очутится одна-одинешенька в старом замке. Поэтому волшебница вот так распорядилась.

Она коснулась своей волшебной палочкой всех, кто только ни находился в замке (кроме короля с королевой); коснулась статс-дам, фрейлин, горничных, придворных, офицеров; коснулась дворецких, поваров, поваренков, казачков, гвардейцев, швейцаров, пажей, камер-лакеев; коснулась также лошадей в конюшне с конюхами, больших дворовых собак и Шарика, маленькой принцессиной собач-

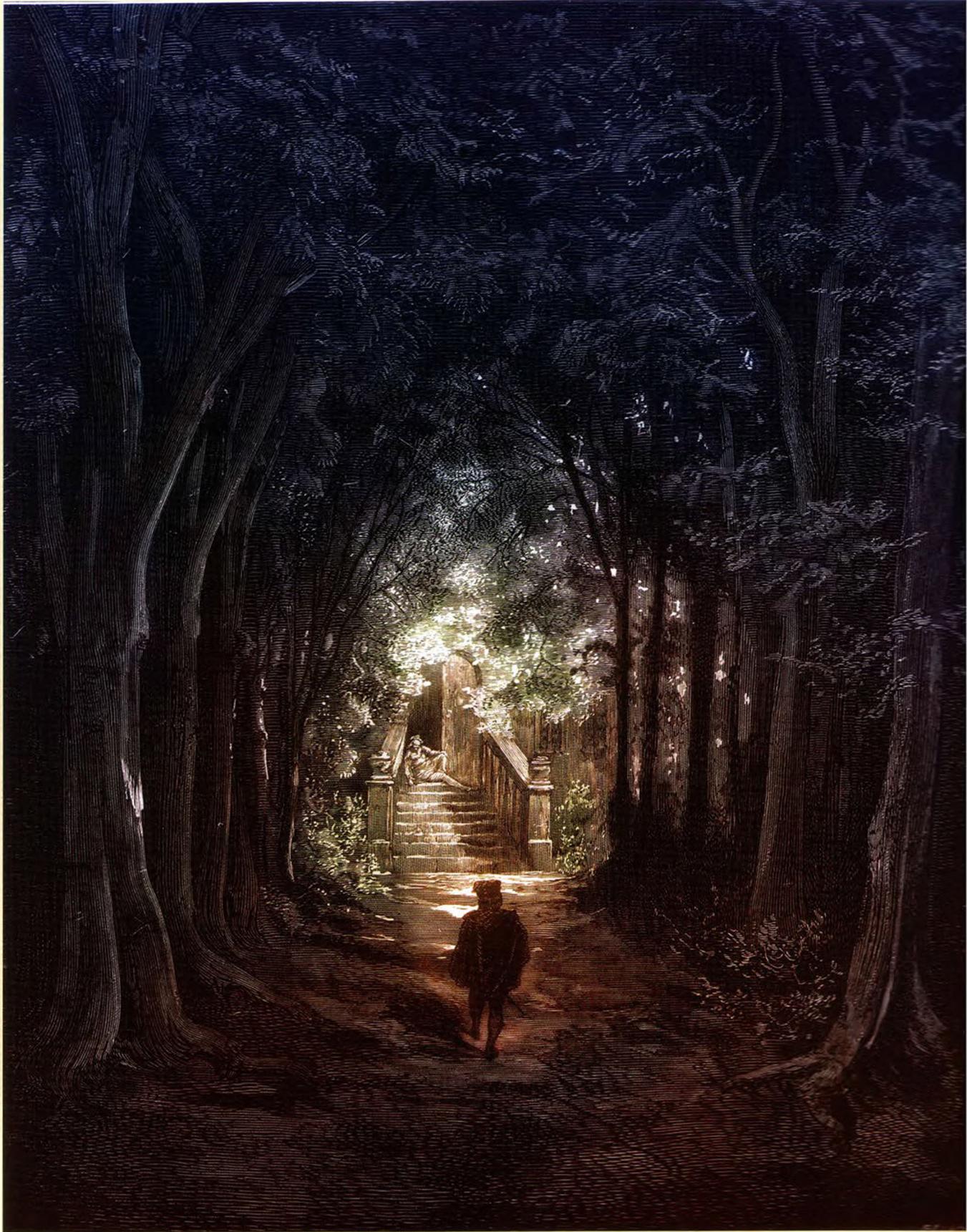
ки, которая лежала возле нее на кровати. Как только она их коснулась, так все сейчас и заснули, — и все должны были проснуться вместе со своею госпожою, чтобы служить ей, когда ей понадобятся их услуги. Даже вертела в печи, унизанные куропатками и фазанами, и те заснули и огонь тоже. Все это исполнилось в одну минуту: волшебницы живо обрабатывают дело.

Тогда король с королевой, расцеловав свою милую дочь, вышли из замка и приказали, чтобы никто не смел подходить к нему близко. Да этого не нужно было и приказывать, ибо через четверть часа вокруг замка выросло столько больших и маленьких деревьев, столько перепутанного между собою шиповника и терновника, что ни человек, ни зверь не могли бы сквозь них пробраться. Замок совсем спрятался за этим лесом; виднелись только одни верхушки башен, и то издалека. Всякий подумал, что и это устроила все та же добрая волшебница, чтобы сон принцессы не тревожили праздные зеваки.

Через сто лет после того сын короля, который правил тогда королевством и происходил из другой фамилии, чем спящая принцесса, охотился в этой стороне и, увидав из-за густого леса верхушки башен, спросил, что это такое. Всякий отвечал ему по-своему. Один говорил, что это старый замок, где водится нечистая сила; другой уверял, что здесь ведьмы празднуют шабаш. Большинство утверждало, что здесь живет людоед, который хватает маленьких детей и затаскивает их в свою берлогу, где и ест их без опаски, ибо ни один человек не может за ним погнаться; только он один умеет пройти через лес дремучий.

Королевич не знал, какому слуху верить, как вдруг подходит к нему старый крестьянин и говорит:

— Принц-королевич! Годов тому с хвостиком пятьдесят слышал я от своего батюшки, что в замке том лежит принцесса красоты неописанной; что будет она там сто лет почивать, а что через сто лет разбудит ее суженый, молодой королевич.

От таких речей молодой королевич возгорел пламенем. Подумалось ему, что он-то и должен решить судьбу принцессы и, жаждая любви и славы, захотел он сейчас же попытать счастья. Как только он подошел к лесу, так все большие деревья, шиповник и терновник сами собою раздвинулись, давая ему дорогу.

Он направился к замку, который виднелся в конце большой аллеи, куда он и вступил. Удивительным показалось королевичу, что никто из свиты не мог за ним следовать, ибо как только он прошел, так деревья сейчас и сдвинулись по-прежнему. Однако же он продолжал идти вперед: молодой да влюбленный королевич ничего не боится. Скоро добрался он до большого двора, где все представлялось взору в ужасном виде: везде гробовая тишина, повсюду смерть, со всех сторон мертвые тела людей и животных... Однако, взглядевшись в красные носы и в пунцовые рожи швейцаров, королевич распознал, что они не умерли, а только заснули. И не совсем опорожненные стаканы с вином показывали, что заснули они за чаркой. Оттуда идет королевич во второй двор, выложенный мрамором, поднимается по лестнице, входит в караульную залу, где в два ряда стоит гвардия с ружьем на плечах и храпит во всю ивановскую. Проходит он множество комнат, в которых, кто лежа, кто стоя, спят придворные кавалеры и дамы. Наконец вступает в позолоченный покой и видит на кровати с раздернутыми занавесями прекраснейшее зрелище: принцессу не то пятнадцати, не то шестнадцати лет и прелести ослепительной, небесной.

Королевич приблизился в смущении и, любуясь, стал возле нее на колени. Как в эту самую минуту зарок пришел конец, то принцесса проснулась и, смотря на него таким ласковым взором, какого нельзя бы и ожидать от первого свидания, сказала:

— Это вы, принц-королевич? А я вас давно ожидаю!

В восхищении от этих слов и еще больше от тона, которым они были произнесены, королевич не знал, как выразить свою радость и благодарность. Он изъяснил, что любит принцессу больше, чем себя самого. Речи его были бессвязны, оттого они и пришлись принцессе по сердцу: чем меньше красных слов, тем больше, значит, любви. Королевич был смущен сильнее принцессы, да оно и натурально. Принцесса имела время обдумать, что ей следует говорить, ибо хотя история об этом и умалчивает, однако, по всей вероятности, добрая волшебница в продолжение ее долгого сна приготовила ее к свиданию приятными сновидениями.

Так или иначе, часа четыре говорили они между собою, а не высказали и половины того, что было у них на сердце.

Между тем, все во дворце очнулось вместе с принцессой. Всякий принялся за свое дело. А как влюбленных было тут мало, то всем захотелось кушать. Старшая статс-дама, тоже голодная, как и все, потеряла наконец терпение и громко доложила принцессе, что обед готов. Королевич помог принцессе подняться с кровати, ибо она была совсем одета и в очень роскошное платье. Но королевич промолчал, что одета она была, как его прабабушка, и в старомодных фижмах: даже в таком костюме принцесса была чудо как хороша. Прошли они в зеркальную комнату, пообедали. Во время обеда прислуживали принцессины камергеры, играли скрипки и флейты музыку старую, но отличную, хотя сто лет ее не было слышно. А после обеда, чтобы не терять време-

ни, старший капеллан обвенчал их в дворцовой церкви, и затем статс-дама уложила их почивать...

Спали они мало, потому что принцесса не очень-то нуждалась в сне... Рано утром королевич простился с нею и возвратился домой, зная, что король должен находиться в беснокойстве. Королевич сказал отцу, что он заблудился на охоте и ночевал в избушке угольщика, который накормил его черным хлебом да сыром. Король был добряк и поверил, но королева не слишком-то убедилась. И, видя, что королевич почти каждый день ездит на охоту и вечно остается по две, по три ночи вне дома, она догадалась, что, верно, у него завелась любвишка. Таким образом королевич прожил с принцессою целых два года и прижил с нею двух детей. Старшего ребенка, дочь, назвали Ясной Зарею; младшего, сына — Светлым Днем, ибо он был еще красивее, чем сестра.

Чтобы вызвать королевича на откровенность, королева часто говаривала ему, что-де молодому человеку простительно пользоваться жизнью, но королевич никак не смел признаться ей в своем секрете: он ее, правда, любил, а еще больше боялся, потому что она происходила из породы людоедов, и король взял ее за себя только по причине ее несметных богатств.

При дворе ходил даже слух, что она и до сих пор сохраняет людоедские вкусы и что когда идут мимо нее малые дети, она насилу удерживается, чтобы не броситься на них...

Итак, королевич никак не решался открыться.

Но когда король умер — а это случилось в конце второго года, когда королевич взошел на престол, он объявил свою женитьбу и с большою церемониею отправился за своею супругою в ее замок.

При въезде молодой королевы в столицу ей сделали торжественную встречу. Приехала же она со своими двумя детьми.

Несколько времени спустя молодой король пошел войною на соседа своего, царя Канталупа. Отправляясь в поход, он поручил государство старой королеве и очень просил ее присмотреть за его супругою и за детьми.

В походе молодой король должен был провести все лето. Как только он уехал, старая королева сейчас отослала невестку и детей в загородный дом посреди дремучего леса, чтобы там вольнее насытить свой чудовищный вкус. Через несколько дней она и сама туда явилась и раз вечером отдала повару такое приказание:

— Завтра подай ты мне за обедом Ясную Зорьку.

— Ах, барыня! — вскричал повар.

— Слышишь! — отвечала старая королева.

И произнесла это слово тоном людоедки, которой хочется человеческого мяса.

— Да подай ты мне Ясную Зорьку под соусом!

Бедный повар, видя, что с людоедкой нечего шутить, взял большой кухонный нож и пошел в комнату Ясной Зорьки. Ясной Зорьке было тогда четыре года. Узнав повара, она поскакала вприпрыжку ему навстречу, со смехом бросилась ему на шею и попросила конфеток. Повар заплакал, выронил из рук нож, отправился на скотный двор, зарезал барашка и подал его под таким чудесным соусом, что, по отзыву старой королевы, она в жизнь не едала ничего вкуснее.

Ясную же Зорьку повар унес и отдал ее жене спрятать в их каморке.

Через неделю злая королева опять говорит повару:

— Хочу скушать за ужином Светлого Дня.

Повар промолчал, но решился обмануть ее, как в первый раз. Пошел он за Светлым Днем и видит, что тот с маленькой шпажкой в руках нападает на большущую обезьяну, а было ему от роду всего три года! Повар отнес его к жене, спрятал вместе с Ясною Зорькой, а вместо Светлого Дня подал королеве маленького козленка, мясо которого людоедка нашла удивительно вкусным,

До сих пор все шло хорошо, но одним вечером злая королева вдруг говорит повару:

— А подай-ка ты мне самую молодую королеву, да тоже под соусом.

Тут повар и руками развел, не зная, как бы и еще ее обмануть. Молодой королеве было двадцать лет, не считая тех ста, что она проспала. Тело у нее было красивое и белое, но для зубов немножко жесткое: каким же заменить его мясом? Делать нечего; чтобы спасти свою шею, повар решился зарезать королеву и пошел в ее комнату, намереваясь разом с нею покончить и нарочно напуская на себя злость. Вот входит он в комнату с ножом в руке, однако, не желая убить молодую королеву врасплох, докладывает так и так, какой ему дали приказ.

— Режь, режь, — говорит ему королева, протягивая шейку, — делай, что велено. На том свете я увижусь со своими детьми, которых я так любила.

Ибо так как у королевы выкрали детей, не говоря ей ни слова, то она думала, что их нет уже в живых.

— Нет, нет, сударыня! — отвечал бедный повар, тронутый ее речами. — Вы еще не отдадите Богу душу, а с детками увидите в моей каморке. Я их туда спрятал. А старую королеву я опять обману: вместо вас подам ей молодую лань.

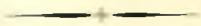
Тут он взял ее за руку, повел в свою каморку и оставил там

хорошенько наплакаться и нацеловаться с детками, а сам пошел готовить лань. Старая королева скушала ее с таким аппетитом, как будто это и взаправду была ее невестка. Она очень радовалась своей проделке, королю же собиралась сказать, когда он возвратится, что бешеные волки загрызли его молодую жену и детей.

Раз вечером бродит она по своему обыкновению по всему замку, разнюхивая, не пахнет ли где человеческим мясом, как вдруг слышит: в одной каморке Светлый День плачет, потому что мать собирается посечь его за капризы, а Ясная Зорька заступает за брата...

Узнав голоса молодой королевы и ее детей, людоедка пришла в бешенство от того, что ее обманули. На другое же утро с криком, от которого все затрепетали, приказала она вынести на середину двора большую кадушку, наполнить ее жабами, ящерицами, змеями и ехиднами и бросить туда королеву с детьми, повара с поварихой и их служанку. Да велела скрутить им назад руки.

Подвели их к кадушке, палачи уже собирались схватить их и бросить, как вдруг нежданно-негаданно верхом на коне въезжает на двор король. Он прискакал на курьерских и спрашивает с удивлением, что это тут делается такое? Никто не смел рассказать ему правду, но в досаде на свою неудачу людоедка сама бросилась в кадушку головою вниз. Там гады ее сейчас и закусили. Король очень огорчился, ибо все-таки она была его мать, но прекрасная супруга и дети скоро его утешили.

Замарашка.

Жил-был один дворянин и женился он вторым браком на самой гордой и самой высокомерной даме на свете. Она имела от первого мужа двух дочерей, которые во всем на нее походили. Дворянин тоже имел уже дочь доброты и кротости беспримерной: характером далась она в свою покойную мать, которая была редких качеств.

Едва успели отпраздновать свадьбу, как мачеха уже показала свой нрав: стала гнать падчерицу, добрые свойства которой выказывали недостатки ее дочерей в еще более гнусном виде!

Она заставила ее справлять в доме самую черную работу. Падчерица и посуду мыла, падчерица в покоях барыни и барышень и полы натирала. Спала она под крышей, на чердаке, на соломенном тюфяке, тогда как сестры ее жили в комнатах с паркетными полами, где стояли самые модные кровати и венецианские зеркала, которые отражали их от головы до пяток.

Бедная девушка сносила все терпеливо и не смела жаловаться отцу, который ее же разбранил бы, ибо жена вертела им на все стороны. Окончив работу, она забивалась в уголок камина и садилась прямо на золу, отчего ее обыкновенно звали Грязнушкой.

А младшая сестра, не такая злая, как старшая, называла ее

Замарашкой. Однако Замарашка, хоть и в черном теле, была во сто раз прекраснее своих разодетых сестер.

Однажды сын тамошнего короля давал бал и пригласил к себе всех знатных особ. Наши две барышни тоже получили приглашение, ибо они принадлежали к высшему кругу. Вот они радуются, заботятся, как бы выбрать к лицу платье и уборы. Новые хлопоты для Замарашки, потому что никому как ей пришлось гладить воротнички сестер и крахмалить рукавчики. В доме только и речи, что о нарядах.

— Я, — говорит старшая, — надену красное бархатное платье с кружевами.

— А я, — говорит младшая, — буду в своем простом платье, зато надену мантилью с золотыми цветами и бриллиантовую наголку, этак будет лучше.

Послали за парикмахером устроить похитрее прическу и в первом магазине купили мушки для лица. Призвали к совету и Замарашку, ибо знали, что у нее хороший вкус. Замарашка подала им отличные советы, даже вызвалась причесать их, на что сестры согласились.

За прическою они и говорят ей:

— А что, Замарашка, хотелось бы тебе поехать на бал?

— Ах, барышни, вы все насмехаетесь надо мною! Куда уж мне!

— Правда твоя, правда. Вот бы смеху было, если бы Грязнушка да сунулась на бал.

Другая за такие речи испортила бы им пробор, но у Замарашки было доброе сердце, и она причесала сестер на славу. Дня два они ничего не ели, так все радовались. Когда надевали корсеты, изорвали больше дюжины шнурков, до такой степени их затягива-

F. Doré

A. VISAR

ли, чтобы сделать талию потоньше. И все время они торчали перед зеркалом.

Наконец блаженный день настал. Сестры уехали. Замарашка долго провожала их глазами, пока можно было видеть карету. Потом принялась плакать.

Крестная, увидав ее всю в слезах, спросила, что с нею делается.
— Мне хотелось бы... хотелось бы...

Она рыдала так усердно, что не могла кончить. Крестная была волшебница и говорит:

— Тебе, верно, хотелось бы на бал, а?

— Ах, да! — отвечала Замарашка со вздохом.

— Ну так слушай, будешь умницею? — говорит крестная. —

Я это устрою.

Она повела Замарашку в свою комнату и говорит:

— Ступай в сад, принеси мне тыкву.

Замарашка сейчас побежала, сорвала самую лучшую тыкву и принесла ее крестной, не понимая, как это тыква может ввести ее на бал.

Крестная вычистила тыкву и, оставив из нее только одну корку, ударила ее своею волшебною палочкою: тыква сейчас превратилась в отличную позолоченную карету.

Потом крестная пошла посмотреть в мышеловку, где нашла шесть живых мышей.

Она приказала Замарашке немножко приотворить дверку мышеловки, и каждую мышку, которая оттуда выскакивала, трогала своею палочкою. Мышка сейчас обращалась в отличную лошадь, так что через минуту у них явилась прекрасная упряжка в шесть лошадей цвета мышиной шкурки с яблоками.

Но крестная не знала, из чего сделать им кучера.

— Пойдите, — говорит ей Замарашка, — я пойду посмотрю, нет ли в большой мышеловке крысы: мы и сделаем из нее кучера.

— Правда твоя, — отвечала крестная, — сходи, посмотри.

Замарашка принесла большую мышеловку. В ней сидели три огромные крысы.

Волшебница взяла ту из них, у которой были усы побольше, и, тронув ее палочкою, обратила в толстого кучера с длинейшими усами, каких никто и не видывал. Потом она сказала Замарашке:

— Ступай в сад, там ты увидишь за колодцем шестерых ящериц, принеси их сюда.

Как только Замарашка их принесла, крестная сейчас обратила их в шестерых лакеев, которые сию же минуту стали на запятки — и все в галунах — стояли так, как будто всю жизнь свою только этим и занимались.

Тут волшебница и говорит Замарашке:

— Ну вот тебе экипаж, есть в чем ехать на бал. Теперь ты рада?

— Конечно, рада. Но разве я так и пойду, в этом скверном платье?

Крестная только тронула ее палочкой, и в ту же минуту платье сделалось матерчатым, вытканым из золота и серебра, и украсилось драгоценными камнями. Потом крестная дала ей пару хрустальных башмачков, самых красивых на свете.

Когда Замарашка так разубралась, она села в карету. Но крестная наказала ей крепко-накрепко пуще всего не оставаться дольше полуночи, предупреждая, что, если она пробудет на балу одну минутку лишнюю, ее карета делается по-прежнему тыквой, кони — мы-

шами, слуги — ящерицами, а платье станет по-старому тряпкой.

Замарашка обещала крестной непременно уехать с бала до полуночи.

Едет она, не чувствуя себя от радости.

Королевский сын, которому доложили, что приехала никому не известная знатная принцесса, побежал ей навстречу, высадил ее под руку из кареты и ввел в залу, где находились гости.

Тут наступило глубокое молчание: танцы прекратились, музыка перестала играть, так все засмотрелись на прелести неизвестной красавицы. Только и слышно было, что восклицания:

— Ах, какая красotka!

Сам король, несмотря на свои дряхлые лета, не переставал любоваться ею и все шептал королеве, что давно уже не случалось ему видеть такой милой, такой любезной особы.

Все дамы внимательно разглядывали ее головной убор и платье, для того, чтобы завтра же заказать подобные наряды и себе, если только найдется такая богатая материя и попадутся такие искусные мастера.

Королевский сын посадил Замарашку на самое почетное место и потом пригласил ее танцевать. Она танцевала с такою ловкостью, что гости удивлялись ей еще больше.

Подали отличное угощение, но королевич и не дотронулся до него, так он был занят неизвестной красавицей.

А Замарашка подсела к сестрам и осыпала их любезностями: она поделилась с ними апельсинами и лимонами, которые поднес ей принц, что их очень удивило, ибо сестры ее не узнали.

Пока они разговаривали промеж собою, Замарашка слышит: бьет одиннадцать часов и три четверти; она сейчас сделала компании книксен и поскорее отправилась восвояси.

Возвратившись домой, Замарашка сию же минуту пошла к крестной и, поблагодарив ее, сказала, что ей хотелось бы и завтра побывать на балу, потому что королевич просил ее приехать.

В то время, как она рассказывала крестной про бал, в дверь постучались сестры. Замарашка побежала отворять.

— Как вы долго не возвращались, — сказала она, протирая глаза и потягиваясь, как будто только что проснулась.

А ей спать еще даже и не хотелось!

— Если бы ты была на балу, — сказала одна из сестер, — там бы ты не соскучилась. На бал приезжала принцесса такой красоты, такой красоты, что никто еще и не видел! Она осыпала нас любезностями: угостила нас апельсинами и лимонами.

Замарашка не чувствовала себя от радости. Она спросила сестер об имени принцессы, но те отвечали, что никто ее не знает, что королевский сын очень огорчен этим и что он не пожалел бы ничего на свете, лишь бы узнать, кто она такая.

Замарашка улыбнулась да и говорит:

— Так вот какая красавица! Господи, какие вы счастливые! Нельзя ли и мне на нее посмотреть? Ах, старшая барышня, дайте мне ваше желтое платье, что вы носите по будням.

— Неужели! — отвечала старшая сестра. — Вот прекрасно! Так я сейчас и дам свое платье скверной Грязнушке! Вот нашла дуру!

Замарашка ожидала отказа и была ему очень рада, потому что она очутилась бы в большом затруднении, если бы сестра согласилась одолжить ей свое платье.

На другой день сестры опять поехали на бал, и Замарашка тоже, только она была еще наряднее, чем в первый раз.

Королевский сын все время ухаживал за нею и не переставал говорить ей комплименты.

Молодая девушка не скучала и совсем позабыла приказание крестной, так что уже начало бить полночь, когда по ее расчету еще не должно бы быть и одиннадцати часам. Она встала и убежала с такою легкостью, с какою бегают лань.

Принц погнался за нею, но не догнал.

На бегу Замарашка сронила с ноги один из своих хрустальных башмачков; принц старательно его поднял.

Замарашка прибежала домой вся впопыхах, без кареты, без лакеев, в своем скверном платье. От всей недавней роскоши у нее остался только один хрустальный башмачок, пара тому, что она сронила.

Принц спросил у часовых при дворцовых воротах, не видали ли они принцессу. Часовые отвечали, что видели лишь молодую, дурно одетую девушку, похожую скорее на мужичку, чем на барышню.

Когда сестры возвратились с бала, Замарашка спросила их, хорошо ли они веселились и приезжала ли опять неизвестная красавица.

Они отвечали, что приезжала, но в полночь убежала, и с такою поспешностью, что сронила с ноги один из своих хрустальных башмачков, красивее которых нет на свете: что королевский сын поднял этот башмачок, что во весь конец бала он все на него смотрел и что он наверное, влюблен в красавицу, которой принадлежит башмачок.

Сестры говорили правду, ибо немного дней спустя королевский сын приказал оповестить при трубных звуках, что он возьмет за себя ту девушку, чья ножка придется по башмачку.

Начали его примерять: сперва принцессам, потом герцогиням и остальным придворным дамам, но все напрасно.

Принесли его и к сестрам; каждая из всех сил старалась втиснуть ногу в башмачок, но не смогла.

Замарашка, которая была при этом и узнала свой башмачок, вдруг и говорит со смехом:

— Давайте и я посмотрю, не придется ли он на мою ногу.

Сестры принялись хохотать и насмехаться над нею.

Придворный, который примерял башмачок, внимательно поглядел на Замарашку и, находя ее очень красивою из себя, сказал, что, конечно, так и следует сделать, и что ему приказано примерять башмачок всем девушкам без исключения. Он усадил Замарашку и, когда поднес башмачок к ее ножке, то увидел, что ножка входит в него без труда и башмачок приходится ей как раз впору.

Сестры очень удивились; но они еще больше удивились, когда Замарашка вынула из кармана другой башмачок и надела на другую ножку.

Тут подошла крестная и, тронув палочкой платье Замарашки, превратила его в наряд еще более роскошный, чем в прежние разы.

Тогда сестры узнали в ней ту самую красавицу, которую видели на балу. Они бросились к ее ногам, прося извинить за дурное обращение, которое она от них выносила.

Замарашка подняла их и, обнимая, сказала, что прощает их от всего сердца и просит всегда ее любить.

После того ее повели во всем наряде к молодому принцу.

Она понравилась ему еще больше прежнего, и через несколько дней они обвенчались.

Замарашка, которая была столько же добра, сколько красива, поместила своих обеих сестер во дворец и в тот же самый день выдала их за двух знатных царедворцев.

Кот в Сапогах.

Один мельник, умирая, не оставил своим трем сыновьям никакого другого наследства, кроме мельницы, осла и кота. С разделом недолго возились и обошлись без помощи приказных, потому что они обобрали бы все до нитки.

Старший брат взял себе мельницу.

Второй — осла.

А младшему дали кота.

Он был неутешен, что досталась ему такая дрянь.

— Братья, — говорил он, — согласясь между собою, могут честно зарабатывать себе кусок хлеба, а мне несчастному, когда я съем своего кота и сошью из его шкуры рукавицы, придется умирать с голоду.

Только вдруг кот, который слышал эти речи, но не подавал и виду, что их слушал, и говорит спокойным, серьезным тоном:

— Не горюй, хозяин, а дай ты мне лучше мешок, да закажи мне пару сапог, чтобы не больно было ходить по кустам, и увидишь, что ты не так обделен, как думаешь.

Хотя владелец Кота и не слишком полагался на его обещания, однако, зная, какой он мастер разными хитрыми манерами ловить мышей (например, повесившись за ноги или прикинувшись мертвым в муке), зная его ловкость, подумал, что, может быть, Кот и в самом деле поможет ему в несчастье.

Когда Коту доставили то, что он просил, он храбро надел сапоги, повесил мешок на шею, взял в передние лапки веревочки, которыми мешок задерживался, и пошел в лесок, где водилось много кроликов. В мешок он положил отрубей и травки. Растянувшись, как мертвый, Кот ждал, чтобы какой-нибудь молодой кролик, еще не искушенный в житейских проделках, сунулся в мешок покушать брошенных туда приманок.

Едва он улегся, как уже мог праздновать победу: молоденький ветрогон-кролик вскочил в мешок. Господин Кот сейчас задернул веревочки, взял кролика и без милосердия убил.

Радуюсь своей добыче, он пошел к королю и попросил аудиенции.

Кота впустили в покои его величества. Войдя туда, он отвесил королю низкий поклон и сказал:

— Вот, государь, кролик. Господин маркиз Карабас (таким именем вздумалось Коту украсить своего хозяина) поручил мне поднести вам этого кролика от его чести в подарок.

— Скажи своему барину, — отвечал король, — что я благодарю его и очень доволен.

В другой раз Кот запрятался в пшеницу, опять-таки с своим мешком, и когда туда зашли две куропатки, задернул веревочки и взял обеих.

Потом он и их отнес к королю, так же, как кролика. Король благосклонно принял и куропаток и приказал дать Коту на чай.

Таким образом Кот два или три месяца сряду носил королю дичину от имени своего хозяина. Только раз слышит он, что король собирается прокатиться по берегу реки с дочерью, самой хорошенькой принцессой в свете; и говорит Кот хозяину:

— Если хочешь послушаться моего совета, будешь счастлив навеки. Ступай купаться в таком-то месте, а об остальном не заботься.

Маркиз Карабас послушался Кота, хоть и не понимал, для чего это нужно.

Только купается он, а король идет мимо. Вдруг Кот как закричит:

— Помогите, помогите! Господин маркиз Карабас тонет!

Король высунул на крик голову из кареты и, узнав Кота, который столько раз приносил ему дичину, приказал своим гвардейцам скорее бежать на помощь господину маркизу Карабасу.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, Кот подошел к карете и доложил королю, что в то время, как его барин купался, мошенники унесли его платье, хоть он, Кот, и кричал караул изо всей силы. (А плут сам же спрятал платье под большой камень).

Король сейчас приказал смотрителям своего гардероба принести господину маркизу Карабасу самый лучший костюм.

Потом король обласкал маркиза. Так как платье, которое ему принесли, выказывало его прекрасную фигуру (ибо он был хорош собою и строен), то королевской дочери он пришлось очень по вкусу. И не успел маркиз Карабас бросить ей два-три почтительных взгляда да один немножко нежный, как она уже до сумасшествия в него влюбилась.

C. D. 1875

PESAN

Король пригласил его сесть в карету и прокатиться вместе с ним.

Кот, радуясь, что намерение его начинает приходить в исполнение, побежал вперед. Попались ему крестьяне, косившие луг. Кот и говорит им:

— Эй вы, косари! Если вы да не скажете королю, что луг этот принадлежит господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всех вас в порошок истолку!

Король действительно спросил косарей, чей это луг?

— Господина маркиза Карабаса! — отвечали они в один голос. (Угроза Кота их напугала).

— У вас хорошее состояние, — заметил король маркизу Карабасу.

— Да, государь, отвечал маркиз, — этот луг дает мне весьма порядочный доходец.

А Кот все бежит впереди. Встречаются ему люди на жатве; он и говорит им:

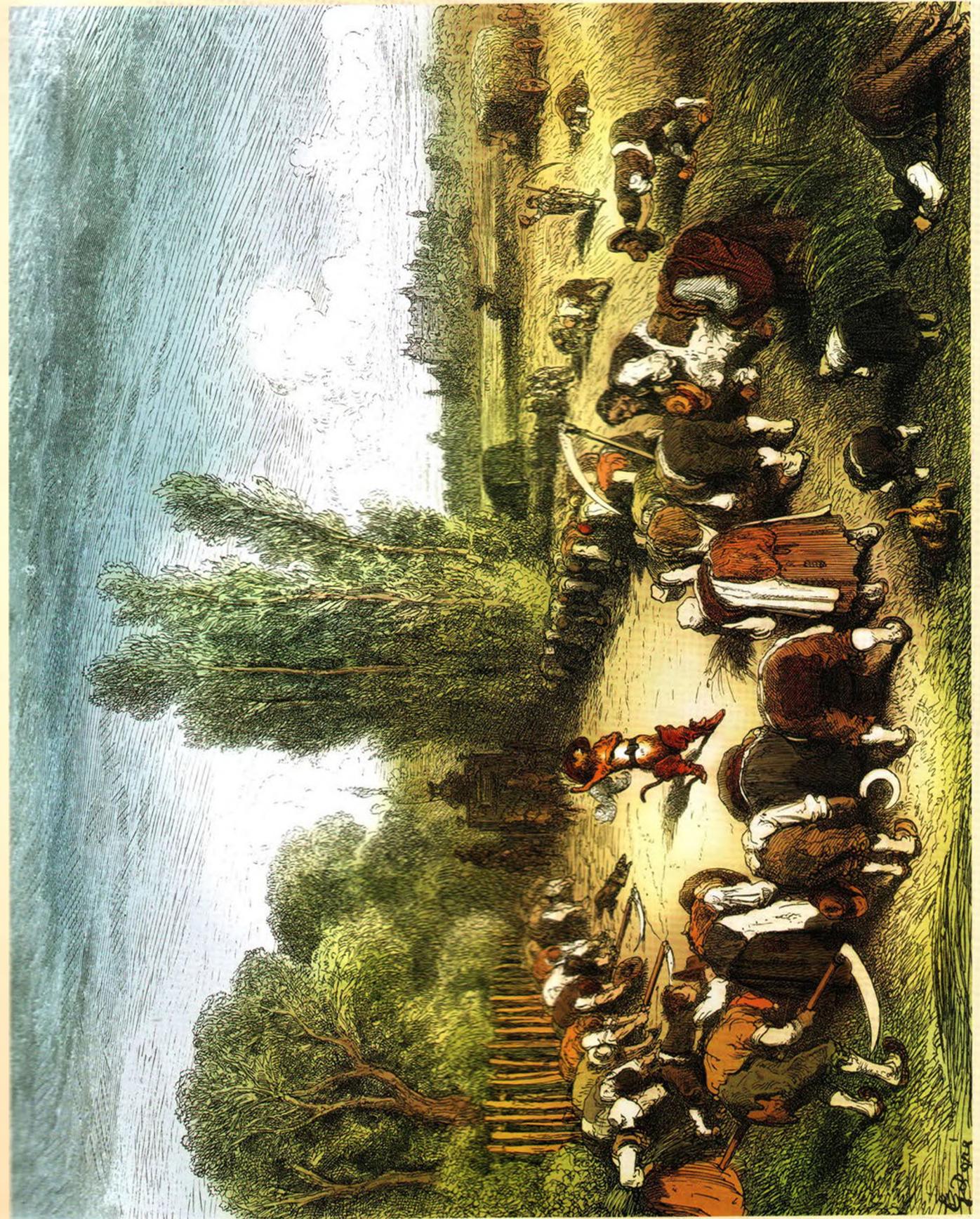
— Эй вы, жнецы! Если вы да не скажете, что все эти хлеба принадлежат господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всех вас в порошок истолку!

Король, проезжая через несколько времени, пожелал знать, чьи это видны хлеба.

— Господина маркиза Карабаса! — отвечали жнецы.

И король порадовался этому вместе с маркизом. А Кот все бежал впереди кареты и всем, кого только ни встречал, наказывал одно и то же. Король был изумлен громадностью состояния господина маркиза Карабаса.

Наконец Кот прибежал в прекрасный замок, принадлежавший Людоеду, который обладал нигде не виданными богатствами, ибо все земли, через которые ехал король, составляли уголья этого замка.

Кот, который имел осторожность предварительно навести справки о том, кто такой этот Людоед и какие за ним водятся таланты, попросил позволения представиться ему, говоря, что он не смел пройти мимо замка, не явившись к нему на поклон.

Людоед принял его так вежливо, как только Людоед может, и пригласил садиться.

— Сказывают, — вдруг брякнул ему Кот, — что вы имеете способность обращаться в разных зверей; что вы можете, например, перекинуться львом или слоном.

— Это правда, — басом отвечал Людоед, — а чтобы показать тебе мое искусство, вот, смотри, я перекинусь львом.

Кот так испугался, видя перед собою льва, что сейчас забежал на крышу, — не без труда и не без опасности, по причине своих сапог, ибо в сапогах весьма неудобно ходить по черепице.

Когда Людоед принял человеческий образ, Кот спустился с крыши и признался, что он был в большом страхе.

— Сказывают еще, — заговорил опять Кот, — но уж этому я не верю, будто бы вы умеете обращаться в самых маленьких зверьков. можете, например, перекинуться крысою или мышью. Откровенно скажу вам, я считаю это несбыточною вещью.

— Несбыточною! — заревел Людоед. — А вот увидишь.

И в ту же минуту он перекинулся мышью, которая забегала по полу.

Кот как только ее увидел, так сейчас бросился на нее и съел.

Между тем, король, заметив мимоездом прекрасный замок Людоеда, пожелал в него войти.

Кот услышал стук экипажей по подъемному мосту, кинулся навстречу и говорит королю:

— Милости просим, ваше величество, в замок господина маркиза Карабаса.

— Как, господин маркиз, — вскричал король, — и замок этот принадлежит вам? Ничего не может быть красивее двора и строений, посмотрим комнаты, если позволите.

Маркиз подал молодой принцессе руку и последовал за королем, который шел впереди. В большой зале их ожидала великолепная закуска, приготовленная Людоедом для своих приятелей, которые собирались навестить его в этот самый день, но не посмели войти, узнав, что в замке находится король.

Короля очаровали добрые качества господина маркиза Карабаса (подобно тому, как принцессу они свели с ума). Видя, каким маркиз обладает несметным богатством, король хватил пять-шесть стаканов вина да вдруг и говорит:

— Не хотите ли, господин маркиз, быть моим зятем?

Маркиз с великими поклонами согласился на такую большую честь и в тот же самый день обвенчался с принцессой.

Кот зажил большим барином и уж больше не ловил мышей, разве иногда для развлечения.

ХОХЛИК.

Жила-была одна королева и родила она сына, такого уroda, что долго сомневались: да полно, человек ли это? Волшебница, которая находилась при родах, заверила, что он будет очень умен. Она прибавила даже, что силою ее чародейства он будет сообщать свой ум всякому, кого крепко полюбит.

Все это несколько утешило бедную королеву, которая очень огорчалась тем, что родила такого безобразного ребенка.

Но едва этот ребенок начал лепетать, как он стал говорить чрезвычайно умные вещи. И во всем, что только он ни делал, было столько ума, что все приходили от него в восхищение.

Я забыл сказать, что дитя родилось с небольшим пучком волос на голове, отчего его и прозвали Хохликом.

Лет этак через семь или восемь королева соседнего царства родила двух дочерей.

Первая, которая явилась на свет, была прекрасна как день: королева так этому обрадовалась, что с нею чуть не сделалось дурно.

Та самая волшебница, которая находилась при рождении маленького Хохлика, присутствовала и здесь и, чтобы умерить радость

королевы, объявила, что новорожденной принцессе Бог не дал разума и что она будет столько же глупа, сколько хороша.

Это очень тронуло королеву. Но через несколько минут с нею случилось еще большее горе: она родила вторую дочь, страшного уродца.

— Не горюйте, сударыня, — сказала ей волшебница, — ваша дочь будет награждена другими достоинствами: она будет так умна, что почти никто и не заметит в ней недостатка красоты.

— Дай Бог! — отвечала королева. — Но нельзя ли снабдить немножко умом старшую, которая так красива?

— Со стороны ума, сударыня, я ничего не могу сделать, — отвечала волшебница. — Но все могу со стороны красоты. И как для вас я все готова предпринять, то даю ей в дар, что она будет сообщать свою красоту всякому, кого крепко полюбит.

По мере того, как принцессы подрастали, их совершенства увеличивались. Везде только и было речей, что о красоте старшей да об уме младшей.

Правда, что с возрастом увеличивались и их недостатки. Младшая дурнела с каждой минутой, а старшая с каждым часом становилась все глупее и глупее. Кроме того, она была такая разиня, что не могла чашку на стол поставить, не отбив ей ушка, а когда пила воду, половину стакана опрокидывала себе на платье.

Хотя красота и большое достоинство в молодой особе, однако гостям младшая почти всегда нравилась больше старшей.

Сперва гости подседали к красавице, поглядеть на нее, полюбоваться, но потом они переходили к разумнице, послушать ее приятные речи. И, к изумлению всей компании, минут через десять возле старшей уже не оставалось никого, и гости толпились вокруг младшей.

Старшая хотя и была глупа, как пробка, однако заметила это. И она без сожаления отдала бы всю красоту за половину сестриного ума.

Королева, несмотря на все свое благоразумие, не могла удержаться, чтобы не попрекать дочь ее глупостью. От этого бедная принцесса чуть не умирала с горя.

Раз пошла она в лесок, поплакать о своем несчастье, только видит — подходит к ней молодой человек, весьма некрасивый и весьма неприятный, но в роскошном платье.

То был молодой принц Хохлик, который влюбился в нее по портретам, распространенным по всему свету, и оставил свое королевство, чтобы иметь удовольствие видеть ее и говорить с нею.

Радуюсь, что встретил принцессу наедине, Хохлик подошел к ней как можно почтительнее и вежливее. Поздоровавшись как следует, он заметил, что принцесса печальна, и говорит:

— Не понимаю, сударыня, как такая прекрасная особа может находиться в такой задумчивости. Ибо хотя я могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, однако обязан сказать, что никогда не видел такой красоты, какова ваша.

— Какой вы комплиментчик, сударь! — отвечала принцесса, да на том и остановилась.

— Красота, — продолжал Хохлик, — есть такое великое достоинство, что она должна заменять все. И кто красотой обладает, тот не может, по моему мнению, ни о чем горевать.

— Лучше я была бы, — говорит принцесса, — такой же урод, как вы, да имела бы ум, чем с моею красотой, да быть такой душой.

— Ничто, сударыня, так не доказывает ум, как убеждение в его отсутствии. Ум по природе своей такое достояние, что чем больше его имеешь, тем больше веришь в его недостаток.

— Этого я не знаю, — говорит принцесса, — но знаю, что я очень глупа; оттого и горюю до смерти.

— Только-то, сударыня! Я могу положить конец вашей печали.

— Как так? — спросила принцесса.

— Я могу, сударыня, сообщить свой ум той особе, которую крепко люблю; а как вы-то, сударыня, и есть эта самая особа, то от вас самих зависит поумнеть, как только возможно, лишь бы вы согласились пойти за меня замуж.

Принцесса смутилась и ничего не отвечала.

— Вижу, — продолжал Хохлик, — что это предложение вам не по вкусу, и не удивляюсь. Но даю вам целый год времени: подумайте и решитесь.

Принцесса была так глупа и вместе с тем ей так хотелось поумнеть, что думая, когда-то еще год пройдет, она согласилась на предложение. Как только она обещала Хохлику выйти за него ровно через год, день в день, так сейчас почувствовала себя совсем иною: нашла в себе невероятное умение говорить все, что вздумается, и говорить тонким, естественным и приятным манером. В ту же минуту она повела с Хохликом живой и галантный разговор, в котором так отличилась, что Хохлик недоумевал, уж не сообщил ли он ей больше ума, чем себе самому оставил.

Когда принцесса возвратилась во дворец, придворные не знали, чем объяснить такое внезапное и необыкновенное превращение. Ибо сколько прежде у нее вырывалось глупостей, столько теперь слышали от нее здравых и умных речей.

Весь двор пришел в невообразимую радость. Только одна младшая сестра была не совсем довольна, потому что, потеряв свое

прежнее преимущество над сестрою, она теперь казалась в сравнении с нею ни чем иным, как безобразной мартышкой.

Король стал обращаться к принцессе за советом и даже решал иногда в ее комнате государственные дела.

Слух об этой перемене распространился повсюду. Изо всех соседних королевств стали съезжаться молодые принцы, силаясь понравиться принцессе и добиваясь ее руки. Но она не находила их достаточно умными и выслушивала предложения, никому не давая слова.

Наконец явился жених такой могущественный, такой богатый, такой умный и такой стройный, что принцесса почувствовала к нему склонность.

Заметив это, король сказал, что предоставляет выбор супруга на ее волю и что как она решит, так тому и быть.

Известно, что чем человек умнее, тем ему в этих брачных делах труднее принять какое-нибудь решение. Поэтому принцесса, поблагодарив отца, просила дать ей время подумать.

Потом она пошла прогуляться и, попав нечаянно в тот самый лесок, где свела с Хохликом знакомство, принялась раздумывать на свободе, что ей делать.

Гуляет она, думает свою думу... только вдруг слышит под ногами глухой шум, точно под землею ходят, бегают, справляют какое-то дело.

Прислушалась она внимательнее и слышит: один кричит: „Поддай мне котел”, а другой: — „Подложи в огонь дров”...

В ту же самую минуту земля разверзлась, и она увидела у себя под ногами как бы большую кухню, полную поваров, поваренков и всякого люда, какой только нужен для приготовления роскошного пира. Толпа человек в двадцать или в тридцать выскочила оттуда,

пошла в одну из ближайших аллей, уселась вокруг длинного стола и с кухонными ножами в руках, с поварскими колпаками набекрень давай рубить в такт мясо, напевая веселую песню.

Принцесса, удивленная этим зрелищем, спросила их, для кого они подняли такую возню?

— Для принца Хохлика, сударыня, — отвечал старший промежу ними, — завтра он празднует свою свадьбу.

Принцесса удивилась еще больше и, вспомнив вдруг, что ровно год назад, день в день, она обещала выйти за Хохлика замуж, чуть было не свалилась с ног. А забыла она про все это потому, что когда давала обещание, тогда была душой, получив же от принца ум, замятовала все свои глупости.

Не прошла она и тридцати шагов, продолжая прогулку, как явился перед нею сам Хохлик, веселый и бравый, разодетый как следует жениху.

— Вы изволите видеть, сударыня, — сказал он, — что я свято держу свое слово. Не сомневаюсь, что и вы также пришли сюда, чтобы сдержать свое и, отдав мне вашу руку, сделать меня счастливейшим из смертных.

— Признаться вам откровенно, — отвечала принцесса, — я еще не приняла на этот счет никакого решения, да, кажется, никогда и не приму такого решения, какое вам было бы желательно.

— Вы меня удивляете, сударыня! — вскричал Хохлик.

— Верю, — отвечала принцесса. — И без сомнения, имея дело с нахалом или с дураком, я находилась бы в очень затруднительном положении. Он сказал бы мне, что принцесса должна держать свое слово и что так как я слово дала, то и выйти за него должна. Но, так как я говорю с самым умным человеком в свете, то уверена, что он примет

мои резоны. Вам известно, что я не решалась выйти за вас даже тогда, когда была набитой душой. Как же вы хотите, чтобы, получив от вас ум, сделавший меня еще разборчивее прежнего, я приняла теперь решение, которого избегала прежде. Если вы так дорожите этой женитьбой, вы напрасно избавили меня от глупости и открыли мне глаза.

— Если бы даже дураку, — отвечал Хохлик — было позволительно, как вы сейчас изволили заметить, попрекнуть вас изменой, то как же вы хотите, сударыня, чтобы я удержался от упреков, когда дело идет о счастье всей моей жизни? Справедливо ли требовать, чтобы умные люди терпели больше дураков? Можете ли вы утверждать это, вы, особа умная и столь желавшая поумнеть? Но приступим, если позволите, к делу. Помимо моего безобразия, имеете ли вы еще что другое против моей персоны? Находите вы мой род худым, или мой ум, или мой нрав, или мои манеры вас не удовлетворяют?

— Нисколько, — отвечала принцесса, — мне, напротив, нравится в вас все, что вы сейчас пересчитали.

— Если так, — продолжал Хохлик, — я буду счастлив, ибо вы можете сделать меня красивейшим из смертных.

— Каким это образом? — спросила принцесса,

— Очень просто, — отвечал Хохлик. — Это сбудется, стоит только полюбить меня и пожелать, чтобы это сбылось. А чтобы вы, сударыня, не сомневались в моих словах, знайте, что та самая волшебница, которая в день моего рождения дозволила мне сообщить свой ум тому, кого я крепко люблю, эта самая волшебница и вам разрешила сообщить вашу красоту тому, кого вы крепко полюбите и кому пожелаете оказать такую милость.

— Если так, — сказала принцесса, — желаю всем сердцем, чтобы вы были самым красивым и самым любезным принцем в све-

те, и сообщаю вам свою красоту, насколько это от меня зависит.

Принцесса еще не договорила своих слов, как Хохлик оказался ей самым красивым, самым стройным и самым любезным человеком в свете.

Иные историки утверждают, что не чародейство волшебницы, а любовь произвела это превращение. Они говорят, что когда принцесса поразмыслила о постоянстве своего жениха, о его скромности и обо всех его качествах душевных и телесных, то безобразие его лица и уродливость его тела скрылись от ее глаз. Горб показался ей осанкой важного человека, хромоту она нашла приятной походкой, косые глаза превратились в выразительные очи, растерянный взгляд пошел за признак сильной любовной страсти и даже большой красный нос явился ей в воинственном, геройском виде...

Так или иначе, но принцесса тут же обещала ему свою руку, если только он получит согласие короля.

Король, увидев, что дочь его очень уважает Хохлика и зная принца с хорошей стороны, с удовольствием согласился сделать его своим зятем.

На другой же день сыграли свадьбу, как Хохлик это предвидел, и с церемонией, которую давно уже приготовили по его приказу.

Ослиная Кожа.

Жил-был однажды король столь сильный, столь любимый своими подданными, столь уважаемый соседями и союзниками, что мог считаться счастливейшим из государей. Счастье сопутствовало ему и в выборе супруги, красота которой равнялась добродетели. Блаженная чета жила в полном согласии. От их целомудренного брака родилась дочь, столь богато одаренная прелестями, что они не сожалели о неимении других детей.

Роскошь, вкус и изобилие царствовали во дворце короля; министры его были премудры и искусны, придворные — добродетельны и верны; слуги — преданны и трудолюбивы; конюшни — обширны и полны самых лучших в свете лошадей, покрытых богатейшими чепраками. Но что всего более удивляло и изумляло приезжих, заходивших полюбоваться этими прекрасными конюшнями, так это то, что на самом видном месте господин осел выставял напоказ свои большие длинные уши... Не из каприза, а по основательной причине отвел ему король почетное стойло: свойства этого редкого животного заслуживали это отличие, ибо природа устроила его таким необыкновенным образом, что каждое утро его подстилка вме-

сто нечистоты покрывалась серебряными и золотыми монетами, которые приходили собирать по его пробуждении.

Но как случайности судьбы равно касаются королей и их подданных и как к счастью всегда применяется беда, то небесным попусением королева вдруг заболела тяжелой болезнью, против которой самые ученые и искусные доктора не могли найти никаких средств. Все предались отчаянию.

Король, чувствительный и влюбленный (хоть и говорят, что брак загоняет любовь в могилу), горевал без меры, по всем церквям произносил обеты, предлагал свою жизнь на выкуп жизни любезной подруги, но ни святые, ни волшебники ему не помогли,

Чувствуя приближение последнего часа, королева и говорит своему супругу, который заливался слезами:

— Позвольте перед смертью попросить вас об одном: если вам да вздумается жениться...

При этих словах король поднял жалобный крик, схватил женины руки, облил их слезами и стал заверять, что нечего и рассуждать о втором браке.

— Нет, нет! — сказал он в заключение, — любезная королева, скорее я умру!

— Государство, — возразила королева с твердостью, которая умножила печаль этого монарха, — государство нуждается в наследнике престола и, видя, что я родила вам только одну дочь, должно требовать от вас похожих на вас сынов. Но молю вас именем вашей ко мне любви в таком только случае уступить желанию ваших подданных, если вы приищете принцессу стройнее меня и милее. Дайте клятву, и тогда я умру спокойно.

Полагают, что королева, у которой не было недостатка в само-

любии, требовала такую клятву, думая, что во всем свете нет равной ей особы и рассчитывая, что таким образом королю не придется вступить во второй брак.

Наконец она скончалась. Ни один муж не поднимал еще такой кутерьмы: король плакал, рыдал, жаловался на свою долю; только и знал, что убивался и день, и ночь.

Большое горе продолжается недолго. К тому же собрались первые особы королевства и гурьбой явились к королю просить, чтобы он сочетался вторым браком. Это предложение показалось ему жестоким и вызвало у него новые слезы. Он сослался на свою клятву и, думая отделаться, пригласил своих министров приискать ему принцессу, которая была бы стройнее и милее покойницы-жены.

Но министры обозвали клятву пустяками и возразили, что дело не в красоте, а в том, чтобы королева была добродетельна и плодородна; что для спокойствия государства нужен наследник; что, конечно, инфанта обладает всеми качествами великой монархини, но что ей придется выйти замуж за чужеродца; что этот чужеродец или увезет ее в свое царство, или, если сядет с нею на здешний престол, наплодит детей чужой крови; и что при отсутствии прямых наследников соседние народы могут пойти на королевство войною, которая приведет его к разорению.

Пораженный этими резонами, король обещал подумать. И точно, он стал искать промеж молодых принцесс подходящую невесту. Всякий день ему приносили прекраснейшие портреты, но ни один из них не мог сравниться с покойницей-королевой; так он и не принимал никакого решения.

К несчастью, хоть и был он большого ума, но вдруг рехнулся: находя, что дочь его инфанта превосходит свою мать и преле-

стями и душою, взял да и объявил, что намерен на ней жениться, так как с нею одной он в состоянии сдержать свою клятву.

Молодая принцесса как девица добродетельная и стыдливая чуть не упала в обморок от такого ужасного предложешя. Она бросилась к ногам короля и всячески заклинала его не приневоливать ее к совершению преступления.

Король, который крепко вбил себе в голову свое странное намерение и чтобы успокоить совесть принцессы, потребовал совета одного старого жреца. Этот жрец, не столько набожный, сколько честолюбивый, принес невинность и добродетель в жертву своему желанию быть наперником короля и так ловко вкрался в королевскую доверенность, так искусно смягчил замышленное им преступление, что даже уверил его, будто бы жениться на дочери есть богоугодное дело.

Польщенный речами этого злодея, король обнял его и еще сильнее утвердился в своем намерении. Поэтому он приказал инфанте быть готовой исполнить его желание.

Молодая принцесса, проникнутая глубокой горестью, не придумала другого исхода, как съездить к Сирень-волшебнице, своей крестной. В ту же ночь она отправилась в красивом кабриолете, запряженном большим бараном, который знал все дороги. Она прибыла благополучно.

Волшебница, обожавшая инфанту, сказала, что ей уже все известно, но что нет надобности беспокоиться, ибо ничего не случится дурного, если только принцесса в точности исполнит то, что она прикажет.

— Потому что, моя милая, — прибавила она, — выйти за отца замуж было бы большим грехом. Но ты можешь избежать этой беды, не переча батюшке. Скажи ему, что тебе пришла фантазия носить

платье такого цвета, как небосклон: со всем своим могуществом он тебе такого платья никогда не достанет.

Принцесса поблагодарила крестную и на другое же утро сказала королю то, что ей волшебница присоветовала, прибавив, что до тех пор не даст своего согласия, пока не получит платья такого цвета, как небосклон.

Король, ободренный надеждой, созвал самых лучших мастеров и заказал им платье с условием, что если они не сумеют угодить, то он всех их прикажет повесить. Однако до такой крайности не дошло. На другой же день они принесли требуемый наряд, и в сравнении с ним сам голубой небесный свод, опоясанный золотистыми облаками, показался менее прекрасен.

Инфанта совсем затосковала, не зная, как выпутаться из беды. Король торопил со свадьбой. Пришлось опять прибегнуть к крестной, которая, в изумлении, что совет ее не удался, приказала попросить платье такого цвета, как месяц.

Король, не смеявший дать отказ, послал за самыми искусными мастерами и с таким грозным видом заказал им платье такого цвета, как месяц, что между заказом и исполнением не прошло и суток. Инфанте платье нравилось больше, чем ухаживания отца, и, оставшись наедине с кормилицей и девушками, она предалась безмерной печали.

Сирень-волшебница была всезнайка. Она явилась на помощь горюющей принцессе и сказала:

— Или я очень ошибаюсь, или, потребовав платье такого цвета, как солнце, нам удастся привести твоего батюшку, короля, в затруднение: ибо он тебе такого платья никогда не достанет. А не то, так мы все-таки выиграем время.

Инфанта согласилась с этим и потребовала платье. Влюбленный

король, не колеблясь, отдал ей свои бриллианты и рубины в подмогу такому удивительному делу, наказав ничего не жалеть, чтобы платье сравнялось с солнцем. Зато как принесли его да развернули, так все принуждены были зажмурить глаза, так оно их ослепило. С этой-то поры и стали носить глазные зонтики и синие очки.

Каково было положение инфанты при этом зрелище! Никогда еще свете не производил ничего подобного. Принцесса стала в тупик и под предлогом, что от сильного блеска у нее глаза разболелись, ушла в свою комнату, где ожидала ее волшебница, переконфуженная донельзя. Увидав платье, крестная покраснела от досады.

— Ну уж теперь, душа моя, — сказала она инфанте, — мы придумаем такое испытание, которого гнусная страсть твоего батюшки не пересилит. Он вбил себе в голову эту женитьбу и считает ее близкой, но его немножко ошеломит то, что я тебе сейчас присоветую. Попроси ты у него кожу его любимого осла, что так щедро доставляет ему деньги на все издержки. Ступай да смотри не забудь попросить ослиную кожу.

Инфанта, радуясь, что нашлось еще одно средство увернуться от ненавистного замужества, и предполагая, что отец ни за что не решится пожертвовать своим ослом, пошла к королю и выразила свои виды на кожу этого редкого животного.

Хотя король удивился такому капризу, но не колебался его исполнить. Бедного осла убили, а кожу его торжественно принесли инфанте, которая, не видя более никакого средства избежать напасти, готовилась предаться отчаянию, как в комнату вбежала ее крестная.

— Полно, милая, полно! — сказала она, видя, что принцесса рвет на себе волосы и бьет себя по щекам. — Настала самая счастливая минута твоей жизни. Завернись в эту кожу, уходи из дворца

и иди, пока тебя несет земля: Бог не оставляет добродетели. Ступай. Я устрою, чтобы твой гардероб повсюду следовал за тобой. Куда бы ты ни пошла, сундук с платьями и дорогими вещами будет идти под землей за тобой. Вот тебе моя палочка: когда понадобится сундук, ударь палочкой по земле, и он явится перед твоими глазами. Но уходи скорее, не медли.

Инфанта расцеловала крестную, попросила не покидать ее, напялила на себя мерзкую кожу, вымазалась сажей из трубы и неузнанная, никем покинула роскошный дворец.

Отсутствие инфанты произвело большую тревогу. Король, уже сделавший приготовления к пиру, пришел в отчаяние и был неутешен. Он разослал во все стороны за дочерью больше ста жандармов и около тысячи полицейских мушкетеров; но помогавшая принцессе волшебница сделала ее невидимой для самых зорких глаз. Пришлось отказаться от напрасной погони.

А инфанта между тем шла путем-дорогой. Зашла она далеко-далеко, еще дальше и везде искала себе места. Но хотя везде ей подавали Христа ради на корм, однако находили ее такой грязной, что никто не хотел принимать ее к себе в дом.

Наконец попала она в большой город. У входа стоял хутор, и хозяйка его нуждалась в девчонке, чтобы мыть тряпки, смотреть за индюшками и чистить свиные корыта. Увидав такую грязную прохожую, эта женщина предложила ей наняться, на что инфанта согласилась с большим удовольствием, так ее ходьба заморила.

Ее поместили в уголке на кухне, где она с первого же дня подверглась грубым насмешкам прислуги, потому что в ослиной коже она казалась отвратительно грязной. Однако понемногу к ней привыкли; а так как она была усердна и работаща, то хозяйка взяла ее под свое покровительство.

G. Dore

PISAN

Инфанта пасла овец и загоняла их в загороди, как раз когда было нужно; смотрела в поле за индюшками так хорошо, как будто всю жизнь ничем другим и не занималась; в ее руках спорилась всякая работа.

Вот однажды сидит она на берегу чистого ручья, где часто плакалась на свою горькую долю, и вздумалось ей посмотретья в воду. Противная ослиная кожа, которая служила ей и платьем, и головным убором, привела ее в ужас. Инфанта застыдилась такого костюма, взяла и умылась. Сейчас лицо ее и руки стали белее слоновый кости, на щечках заиграл румянец. В радости от своей красоты она захотела выкупаться, что и исполнила тут же. Но, возвращаясь на хутор, пришлось опять надеть проклятую ослиную кожу. К счастью, на другой день был праздник; инфанта удосужилась вызвать из земли свой сундук, приготовить туалет, нанудрить волосы и нарядиться в свое платье такого цвета, как небосклон. Каморка ее была такая маленькая, что негде было повернуться со шлейфом. Прекрасная принцесса посмотрелась в зеркало, полюбовалась собою (она имела на это право) и до того сама себе понравилась, что решила наряжаться от скуки по праздникам и воскресеньям, одно за другим, во все свои платья, что и привела с точностью в исполнение.

Она с удивительным искусством влетала в свои чудесные волосы цветы и бриллианты и часто вздыхала о том, что нет ее красоте иных свидетелей, кроме овец да индюшек, которые любили ее и в этой негодной ослиной коже. А по коже инфанте на хуторе и прозвание дали.

В один праздничный день, когда Ослиная Кожа нарядилась в свое платье такого цвета, как солнце, королевский сын, которому принадлежал хутор, заехал в него отдохнуть с охоты.

Принц был молод, красив и хорошо сложен, был любим отцом и матерью и обожаем народом. Ему поднесли деревенское угощение. Принц откушал, потом принялся осматривать все дворы и задворья.

Переходя таким образом из одного места в другое, он зашел в темный коридор, в конце которого заметил закрытую дверь. Из любопытства принц приложил глаз к замочной скважине. Но что случилось с ним, когда он увидел внутри такую прекрасную и разодетую инфанту, что по осанке ее следовало принять за богиню. От пылкости овладевшего им в эту минуту чувства он готов был вышибить дверь, если бы не удержало его почтение к такой восхитительной особе.

Он насилу расстался с темным коридором, и то лишь для того, чтобы разузнать, какая это живет в каморке особа. Ему отвечали, что живет там девчонка, Ослиная Кожа, названная так по коже, которую она носит, и до того грязная, до того засаленная, что никто не хочет ни смотреть на нее, ни говорить с нею, — и что взяли эту девчонку из милости для присмотра за индюшками да за баранами.

Принц не удовлетворился этим объяснением, однако понял, что невежды-хуторяне ничего больше не знают и что расспрашивать их — только терять время. Он возвратился в королевский дворец влюбленный так, что и пересказать нельзя, и постоянно имел перед глазами прекрасный образ божества, которое подметил в замочную скважину. Он жалел, что не постучался в дверь, и дал себе слово в другой раз непременно это сделать.

Но волнение крови, произведенное любовным жаром, в ту же ночь обратилось в такую ужасную горячку, что скоро он очутился при последнем издыхании. Королева, его мать, не имевшая других детей, приходила в отчаяние, видя, что никакие лекарства не помо-

гают. Напрасно она сулила докторам большие награды: они прилагали все свое искусство, но принц не получал облегчения.

Наконец они догадались, что эту болезнь причиняет потаенное смертельное горе. Они уведомили об этом королеву, которая, нежно любя сына, стала заклинять его открыться, говоря, что если бы даже пришлось уступить ему корону, король без сожаления сойдет с престола и посадит его на свое место; что если он любит какую-нибудь принцессу, то родители его согласятся на всевозможные уступки, чтобы только доставить ему желанную особу; но что она молит принца не предаваться смерти, ибо ее жизнь зависит от его существования.

При произнесении этой трогательной речи разогорченная королева пролила на лицо принца потоки слез.

— Сударыня, — наконец отвечал ей принц очень слабым голосом, — я не такой злодей, чтобы желать батюшкина престола, да пошлет ему небо долгие дни и да пребуду я в течение еще многих лет вернейшим и почтительнейшим его слугою. Что до принцесс, которых вы изволите мне предлагать, я еще не намереваюсь жениться. Знайте, что как я доселе всегда был покорен вашей воле, так и вперед готов вам повиноваться, каких бы мне это ни стоило жертв.

— Ах, сын мой, — начала опять королева, — мы готовы на все жертвы, чтобы спасти твою жизнь. Но, сын мой любезный, спаси мое и батюшкино здоровье, объяви, чего ты желаешь, и верь, что твое желание будет исполнено.

— Уж если, сударыня, — отвечал он, — уж если нужно открыть вам мою мысль, повинуюсь, ибо с моей стороны было бы величайшим преступлением подвергнуть опасности жизнь двух драгоценных мне существ. Да, моя мать! Я желаю, чтобы Ослиная

Кожа изготовила мне пирог, и когда он будет готов, чтобы она мне его принесла.

Королева, удивленная этим странным именем, спросила, кто такая эта Ослиная Кожа.

— Это, сударыня, — объяснил один из придворных, которому случайно привелось видеть инфанту, — это самое гнусное животное после волка: чернокожая грязнушка, которая живет на вашем хуторе и смотрит за вашими индюшками.

— Ничего, ничего, — отвечала королева, — может быть, сынок, возвращаясь с охоты, отведал ее печенья. Это каприз больного. Словом, если уж пошло на Ослиную Кожу, то я приказываю, чтобы Ослиная Кожа живо изготовила ему пирожок.

Побежали на хутор, призвали Ослиную Кожу и приказали ей испечь как можно лучший пирог для принца.

Некоторые писатели уверяют, что в ту минуту, когда принц приложил глазок к замочной скважине, Ослиная Кожа его заметила; что потом она видела из окна этого молодого, красивого, стройного принца; что образ его заронился ей в сердце и что это воспоминание стоило ей частых вздохов.

Так или иначе, сама ли видала его Ослиная Кожа или лишь слышала похвалы ему от других, только она обрадовалась случаю сделать известной принцу, заперлась в свою каморку, сбросила негодную кожу, умыла лицо и руки, причесала свои белокурые волосы, надела корсаж из блестящей серебряной материи, такую же юбку и принялась готовить столь желаемый пирог. Муку она взяла самого высшего сорта и самые свежие масло и яйца. Замешивая тесто, нарочно ли или как там иначе, только с пальца она сронила кольцо, которое упало в тесто, да там и осталось. А когда пирог поспел, напялив опять свою

гнушеную кожу, она подала пирог придворному офицеру и спросила его о здоровье принца. Но этот человек не удостоил ее ответом и побежал с пирогом к принцу.

Принц жадно выхватил его из рук этого человека и стал поедать его так поспешно, что присутствовавшие при этом доктора не успели заметить, как мало хорошего эта стремительность предвещает. И точно, принц чуть не подавился кольцом, которое попало ему в одном из кусков. Но он ловко вынул его изо рта и после того начал кушать пирог уже с меньшею горячностью, ибо все рассматривал колечко золотое со смарагдом, и такое маленькое, что могло прийтись в пору только самому хорошенькому пальчику на свете.

Он расцеловал колечко, сунул его под подушку и беспрестанно вынимал оттуда, когда полагал, что никто его не видит. Придумывал он, как бы увидеть ту, которой колечко придется на пальчик, но не смел просить, чтобы позвали Ослиную Кожу, которая испекла пирог, ибо боялся, что не получит на это согласия, не смел также рассказать подсмотренное им в замочную скважину, ибо боялся, что станут над ним смеяться и примут его за фантазера... Все эти мысли беспокоили его разом, так что опять схватила его горячка, и доктора, не зная уж что и придумать, объявили королеве: принц-де болеет любовью. Королева прибежала к сыну вместе с королем, который сильно убивался.

— Сын мой, сын мой любезный! — вскричал опечаленный монарх. — Укажи нам кого хочешь: клянемся, что предоставим ее тебе, будь она даже самая презренная раба.

Королева, обнимая его, подтвердила клятву короля.

Принц, растроганный слезами и ласками виновников дней своих, и говорит им:

— Батюшка, и вы, матушка! Я отнюдь не имею намерения заключить какой-нибудь неугодный вам брак. И в доказательство этих слов, — продолжал он, вынимая из-под подушки колечко, — я женюсь на той, на чей пальчик придется это колечко, кто бы такая она ни была. Но нет вероятия, чтобы девушка с таким хорошеньким пальчиком была неотесанная мужичка.

Король с королевой взяли колечко, оглядели его с любопытством и подобно принцу заключили, что такое колечко может прийти на пальчик только девушке из хорошего дома. Тогда король, обняв сына и заклиная его выздоравливать поскорее, вышел из комнаты и приказал ударить по всему городу в барабаны и заиграть на дудках и на трубах, а герольдам кричать, чтобы собирались девушки во дворец примеривать колечко, и что которой колечко придется, та за наследника замуж выйдет.

Сперва пришли принцессы, потом герцогини, маркизы и баронессы, но сколько они пальцами ни крутили, ни одна кольца не надела. Пришлось взяться за швеек; они были все хорошенькие, но пальцы не подходили: толсты. Принц чувствовал себя лучше и сам присутствовал на испытаниях. Наконец дошло дело до горничных: их тоже постигла неудача. Все уже перепробовали кольцо, когда принц потребовал кухарок, судомоек, свинопасок. И тех привели, но их толстые, красные, короткие пальцы не лезли в колечко дальше ногтя.

— А приводили эту Ослиную Кожу, что на днях пекла мне пирог? — говорит принц.

Все захохотали и отвечали, что нет, потому что она такая запачканная грязнушка.

— Сию минуту послать за нею! — сказал король. — Да будет известно, что я никого не отметаю.

Придворные со смехом и насмешками побежали за девчонкой.

Инфанта, которая слышала бой барабанов и крики герольдов, догадалась, что это ее колечко подняло всю суматоху. Она любила принца, — и как истинная любовь боязлива и не знает гордыни, то инфанта все опасалась, чтобы у какой-нибудь дамы не оказался такой же маленький пальчик. Поэтому она очень обрадовалась, когда пришли за нею и постучали в дверь. С тех пор как она узнала, что к ее колечку подбирают пальчик, смутная надежда побудила ее причесываться получше и рядиться в корсаж из серебряной материи со сборчатой юбкой, украшенной серебряными кружевами и смарагдами. Как только она услышала, что стучатся в дверь и зовут ее к принцу, она сейчас надела свою ослиную кожу, потом отворила. Посланные с насмешками объявили, что король требует ее, чтобы выдать за своего сына; потом с хохотом повели ее к принцу, который и сам изумился костюму этой девушки и не смел полагать, что ее-то он и видел такой красавицей и в таком роскошном уборе.

— Вы это, — говорит он, — живете в конце темного коридора, на третьем скотном дворе?

— Я, сударь! — отвечает она.

— Покажите руку, — продолжает принц, дрожа всем телом и испуская глубокий вздох.

Но каково же было изумление короля с королевой, гофмаршалов и царедворцев, когда из-под этой черной, запачканной кожи высунулась маленькая нежная ручка, беленькая, с розовыми ноготками, и когда кольцо без труда скользнуло на самый хорошенький пальчик на свете. Легким движением инфанта сбросила с себя кожу и явилась в такой восхитительной красоте, что принц, несмотря на свою слабость, бросился к ее ногам и обнял ее колени с горячностью,

от которой она вся зарделась. Но никто этого не заметил, потому что король с королевой также бросились обнимать ее изо всех сил, спрашивая, желает ли она выйти за их сына.

Принцесса, смущенная этими ласками и любовью, которую показывал к ней молодой красавец-принц, собиралась выразить свою благодарность, как вдруг потолок раскрывается и в гостиную на колеснице из сиреневых цветов и веток (от которых она и получила свое имя) спускается волшебница Сирень и бесподобным манером рассказывает историю инфанты. Король с королевой, в восторге, что Ослиная Кожа оказывается знатной принцессой, удвоили свои ласки, но принца больше всего поразила добродетель принцессы, и любовь его от этого усилилась еще больше.

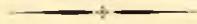
Принц так нетерпеливо желал обвенчаться с принцессой, что едва дал время сделать приличные такому высокому браку приготовления. Король с королевой были без ума от невестки, расточали ей миллионы ласк и целый день держали ее в своих объятиях. Она объявила, что не может выйти за принца без согласия короля, своего батюшки; к нему к первому и послали пригласительный билет, не открывая имени невесты. Так посоветовала волшебница Сирень (которая, понятно, всем распоряжалась): она имела на то свои причины.

Съехались короли из всех стран: одни на носилках, другие в кабриолете; самые дальние — на слонах, на тиграх, на орлах. Но самым великодушным и самым могущественным явился отец инфанты, который, к счастью, успел забыть свою порочную страсть и женился на очень красивой вдове-королеве, от которой, однако же, детей не имел. Инфанта побежала ему навстречу: он ее сейчас узнал и с большой нежностью обнял ее, прежде чем она успела броситься к его ногам. Король с королевой представили ему своего

сына, которого он осыпал знаками своей дружбы. Свадьбу сыграли с роскошью, какую только можно себе представить. Молодые мало обращали внимания на все это великолепие; они только и знали, что смотрели друг на дружку и только друг друга и видели.

Король, отец принца, в этот же самый день короновал своего сына и, поцеловав ему руку, посадил его на трон, несмотря на сопротивление этого благовоспитанного принца: делать нечего, пришлось повиноваться. Свадебные пиршества этого знаменитого брака продолжались около трех месяцев, а любовь двух молодых супругов продолжалась бы и до сих пор, если бы они через сто лет после того не скончались.

Волшебница.

Жила-была вдова, у которой были две дочери: старшая до того на нее походила и лицом и нравом, что, как говорится, не развел бы их. Так они были обе горды и неприветливы, что, кажется, никто бы не согласился жить с ними. Младшая, напротив, вышла в отца кротостью и вежливостью, да и сверх того красавица она была необыкновенная. Всякому человеку нравится то, что на него походит; мать была без ума от старшей дочери, а к младшей чувствовала отвращение неодолимое. Она заставляла ее работать с утра до вечера и не позволяла ей обедать за столом, а отсылала ее в кухню.

Два раза в день бедняжка должна была ходить по воду, за три версты от дому и приносить оттуда большой тяжелый кувшин, полный доверху. Однажды, в самое то время как она была у колодца, к ней подошла нищая и попросила дать ей напиться.

— Изволь, голубушка, — отвечала красавица, выполоскала кувшин, зачерпнула воды на самом чистом месте источника и пода-ла ей, а сама поддерживала кувшин рукой, чтобы старушке ловчее было пить. Старушка отпила воды да и говорит:

— Ты такая красавица и такая притом добрая и вежливая, что я не могу не сделать тебе подарка. (Старушка эта была волшебницей, которая обернулась нищей с тем, чтобы испытать добрый нрав молодой девушки). И будет мой тебе подарок состоять в том, что всякий раз, как ты промолвишь слово, у тебя изо рта выпадет либо цветок, либо драгоценный камень.

Красавица возвратилась домой, и мать пустилась ее бранить за то, что она так долго промешкала у колодца.

— Извини меня, матушка; я, точно, немного замешкалась, — отвечала она, — и тут же выронила изо рта две розы, два жемчуга и два больших алмаза.

— Что я вижу! — воскликнула старуха с удивлением. — У ней изо рта валятся жемчуга и алмазы! Откуда тебе эта благодать пришла, дочь моя? (Она ее в первый раз отроду назвала дочерью).

Бедняжка чистосердечно все рассказала, на каждом слове роняя по алмазу.

— Вот как! — возразила вдова. — Так я сейчас пошлю туда же мою дочь. Поди сюда, Груша, посмотри, что падает изо рта у твоей сестры, когда она говорит! Небось, и ты бы желала иметь такой же дар? Тебе стоит пойти по воду к источнику, и если нищая тебя попросит воды напиться, исполни ее просьбу со всею вежливостью да любезностью.

— Вот еще! — возразила злюка. — Такая я, чтобы по воду ходить, как же!

— Я хочу, чтобы ты пошла по воду! — возразила мать. — И сию же минуту.

Она пошла, только все время ворчала. Она взяла с собою самый красивый серебряный графин, какой только находился у них в

доме. Не успела она приблизиться к источнику, как увидела даму, чрезвычайно богато одетую: эта дама вышла из леса, подошла к ней и попросила дать ей напиток. Это была та же самая волшебница, которая являлась ее сестре, но на этот раз она приняла на себя вид и всю наружность принцессы с тем, чтобы испытать, до какой степени нрав этой девушки был дурен и неприветлив.

— Разве я сюда пришла, чтобы поить других! — с грубостью отвечала гордячка. — Уж не для тебя ли я принесла из дома этот серебряный графин? Вишь, какая барыня! Ты сама рукой зачерпни, коли так тебе пить хочется.

— Какая же ты невежа! — отвечала волшебница спокойным голосом, безо всякого, впрочем, гнева. — Ну коли ты так со мною поступила, и я же тебе сделаю подарок, и будет он состоять в том, что при каждом твоём слове у тебя изо рта выпадет змея или жаба.

Мать как только издали увидела свою Грушу, тотчас ей закричала:

— Ну что, дочка?

— Ну что, matka? — отвечала та. — И у нее изо рта выскочило две змеи и две жабы.

— О небо! — воскликнула старуха. — Что я вижу! Всему причиною сестра, это верно... Ну так постой же! Я ж ее!

Она бросилась бить бедняжку, свою вторую дочь, но та убежала и спряталась в соседнем лесу. Царский сын, возвращаясь с охоты, встретил ее там и, пораженный ее красотой, спросил ее, что она делает одна в лесу и зачем плачет.

— Ах, сударь! — отвечала она. — Мать прогнала меня из дому, — и при этих словах у нее изо рта выпало несколько жемчугов и алмазов.

Царский сын удивился и тотчас спросил, что это значит. Она рассказала ему свое приключение. Царский сын тут же в нее влюбился и, сообразив, что такой дар стоит всякого приданого, взял ее во дворец своего отца и женился на ней.

А сестра ее до того себя довела, что все ее возненавидели и даже собственная мать ее прогнала; и несчастная, всеми отверженная, умерла одна в лесу с горя и голода.

Синяя Борода.

Жил-был однажды человек, за которым водилось множество всякого добра: были у него прекрасные дома в городе и за городом, золотая и серебряная посуда, шитые кресла и позолоченные кареты. Но, к несчастью, борода у этого человека была синяя — и эта борода придавала ему такой безобразный и грозный вид, что все девушки и женщины, бывало, как только завидят его, так давай Бог поскорее ноги.

У одной из его соседок, дамы происхождения благородного, были две дочери, красавицы совершенные. — Он посватался за одну из них, не назначая, какую именно, и предоставляя самой матери выбрать ему невесту. Но ни та, ни другая не соглашались быть его женою: они не могли решиться выйти за человека, у которого борода была синяя, и только перекорялись между собою, отсылая его друг дружке. Их смущало еще то обстоятельство, что он имел уже несколько жен, и никто на свете не знал, что с ними случилось.

Синяя Борода, желая дать им возможность узнать его покороче, повез их вместе с матерью, тремя-четырьмя самыми близкими

их приятельницами и несколькими молодыми людьми из соседства, в один из своих загородных домов, где и провел с ними целую неделю. Гости гуляли, ездили на охоту, на рыбную ловлю; пляски и пиры не прекращались; сна по ночам и в помине не было; всякий потешался, придумывал забавные шалости и шутки; словом, всем было так хорошо и весело, что младшая из дочерей скоро пришла к тому убеждению, что у хозяина борода уж вовсе не такая синяя и что он очень любезный и приятный кавалер. Как только все вернулись в город, свадьбу тотчас и сыграли.

По прошествии месяца Синяя Борода сказал своей жене, что он принужден отлучиться, по меньшей мере, на шесть недель, для очень важного дела. Он попросил ее не скучать в его отсутствие, а, напротив, всячески стараться рассеяться, пригласить своих приятельниц, повезти их за город, если вздумается, кушать и пить сладко — словом, жить в свое удовольствие.

— Вот, прибавил он, — ключи от двух главных кладовых; вот ключи от золотой и серебряной посуды, которая не каждый день на стол ставится; вот — от сундуков с деньгами; вот — от ящичков с драгоценными камнями; вот, наконец, ключ, которым все комнаты отпереть можно. А вот этот маленький ключик отпирает каморку, которая находится внизу, на самом конце главной галереи. Можешь все отпирать, всюду входить, но запрещаю тебе входить в ту каморку. Запрещение мое на этот счет такое строгое и грозное, что если тебе случится — чего Боже сохрани — ее отпереть, то нет такой беды, которой ты бы не должна была ожидать от моего гнева.

Супруга Синей Бороды обещала в точности исполнить его приказания и наставления, а он, поцеловав ее, сел в карету и путился в путь.

Соседки и приятельницы молодой не стали дожидаться приглашения, а пришли все сами, до того велико было их нетерпение увидеть собственными глазами те несметные богатства, какие, по слухам, находились в ее доме. Они боялись прийти, пока муж не уехал: синяя его борода их очень пугала. Они тотчас отправились осматривать все покои — и удивлению их конца не было: так все им показалось великолепным и красивым! Они добрались до кладовых — и чего-чего они там не увидели! Пышные кровати, диваны, занавесы богатейшие, столы, столики, зеркала такие огромные, что с головы до ног можно было в них себя видеть, и с такими чудесными, необыкновенными рамами! Одни рамы были тоже зеркальные, другие из позолоченного разного серебра. Соседки и приятельницы без умолку восхваляли и превозносили счастье хозяйки дома, а она нисколько не забавлялась зрелищем всех этих богатств: ее мучило желание отпереть каморку внизу, в конце галереи.

Так сильно было ее любопытство, что, не сообразив того, как невежливо оставлять гостей, она вдруг бросилась вниз по потаенной лестнице, чуть шею себе не сломала. Прибежав к дверям каморки, она, однако, остановилась на минутку. Запрещение мужа пришло ей в голову. „Ну, подумала она, — будет мне беда за мое непослушание!” Но соблазн был слишком силен — она никак не могла с ним сладить. Взяла ключ и, вся дрожа как лист, отперла каморку.

Сперва она ничего не разобрала: в каморке было темно, окна были закрыты. Но погодя немного, она увидела, что весь пол был залит запекшейся кровью — и в этой крови отражались тела нескольких мертвых женщин, привязанных вдоль стен: то были прежние жены Синеи Бороды, которых он зарезал одну

за одной. Она чуть не умерла на месте от страха и выронила из руки ключ.

Наконец она опомнилась, подняла ключ, заперла дверь и пошла в свою комнату отдохнуть и оправиться. Но она до того перепугалась, что никаким образом не могла совершенно прийти в себя.

Она заметила, что ключ от каморки запачкался в крови; она утерла его раз, другой, третий, но кровь не сходила. Как она его ни мыла, как ни терла, даже песком и толченым кирпичом, пятно крови все оставалось! Ключ этот был волшебный — и не было возможности его вычистить; кровь с одной стороны сходила, а выступала с другой.

В тот же вечер вернулся Синяя Борода из своего путешествия. Он сказал жене, что по дороге получил письма, из которых узнал, что дело, по которому он должен был уехать, решилось в его пользу. Жена его, как водится, всячески старалась показать ему, что она очень обрадовалась его скорому возвращению.

На другое утро он спросил у нее ключи. Она подала их ему, но рука ее так дрожала, что он без труда догадался обо всем, что произошло в его отсутствие.

— Отчего, — спросил он, — ключ от каморки не находится вместе с другими?

— Я его, должно быть, забыла у себя наверху, на столе, — отвечала она.

— Прошу принести его, слышишь! — сказал Синяя Борода. После нескольких отговорок и отсрочек она должна была наконец принести роковой ключ.

— Это отчего кровь? — спросил он.

— Не знаю отчего, — отвечала бедная женщина, а сама побледнела как полотно.

— Ты не знаешь! — подхватил Синяя Борода. — Ну так я знаю! Ты хотела войти в каморку. Хорошо же: ты войдешь туда и займешь свое место возле тех женщин, которых ты там видела.

Она бросилась к ногам своего мужа, горько заплакала и начала просить у него прощения в своем непослушании, изъявляя при этом самое искреннее раскаяние и огорчение. Кажется, камень бы тронулся мольбами такой красавицы, но у Синеи Бороды сердце было тверже всякого камня.

— Ты должна умереть, — сказал он, — и сейчас.

— Коли уж я должна непременно умереть, — сказала она сквозь слезы, — так дай мне минуточку времени — Богу помолиться.

— Даю тебе ровно пять минут, — сказал Синяя Борода, — и ни секунды больше!

Он сошел вниз, а она позвала сестру свою и сказала ей:

— Сестра моя, Анна (ее так звали), взойди, пожалуйста, на самый верх башни, посмотри, не едут ли мои братья. Они обещались навестить меня сегодня. Если ты их увидишь, так подай им знак, чтобы они поторопились.

Сестра Анна вошла на верх башни, а бедняжка горемычная от времени до времени кричала ей:

— Сестра Анна, ты ничего не видишь?

А сестра Анна ей отвечала:

— Я вижу, солнышко яснее и травушка зеленеет.

Между тем Синяя Борода, ухватив огромный ножище, орал изо всей силы:

— Иди сюда, иди — или я к тебе пойду!

— Сию минуточку, — отвечала его жена и прибавляла шепотом:

— Анна, сестра Анна! Ты ничего не видишь?

А сестра Анна отвечала:

— Я вижу, солнышко яснее и травушка зеленеет.

— Иди же, иди скорее! — орал Синяя Борода. — А не то я к тебе пойду!

— Иду, иду! — отвечала жена и опять спрашивала сестру:

— Анна, сестра Анна! Ты ничего не видишь?

— Я вижу, — отвечала Анна, — большое облако пыли к нам приближается.

— Это братья мои?

— Ах нет, сестра! Это стадо баранов.

— Придешь ли ты наконец! — вопил Синяя Борода.

— Еще маленькую секундочку, — отвечала его жена и опять спросила:

— Анна, сестра Анна! Ты ничего не видишь?

— Я вижу двух верховых, которые сюда скачут, но они еще очень далеко. Слава Богу, — прибавила она, погодя немного, — это наши братья. Я им подаю знак, чтобы они спешили, как только возможно.

Но тут Синяя Борода такой поднял гам, что самые стены дома задрожали. Бедная жена его сошла вниз и бросилась к его ногам, вся растерзанная и в слезах.

— Это ни к чему не послужит, — сказал Синяя Борода, — пришел твой смертный час.

Одной рукой он схватил ее за волосы, другой поднял свой страшный нож... Он замахнулся на нее, чтобы отрубить ей голову... Бедняжка обратила на него свои погасшие глаза:

— Дай мне еще миг, только один миг, с духом собраться...

— Нет, нет! — отвечал он. — Поручи душу свою Богу!

И поднял уже руку... Но в это мгновение такой ужасный стук поднялся у двери, что Синяя Борода остановился, оглянулся... Дверь разом отворилась, и в комнату ворвались два молодых человека. Выхватив свои шпаги, они бросились прямо на Синюю Бороду.

Он узнал братьев своей жены, один служил в драгунах, другой в конных егерях, и тотчас наострил лыжи, но братья нагнали его, прежде чем он успел забежать за крыльцо. Они прокололи его насквозь своими шпагами и оставили его на полу мертвым. Бедная жена Синей Бороды была сама чуть жива, не хуже своего мужа: она не имела даже довольно силы, чтобы подняться и обнять своих избавителей.

Оказалось, что у Синей Бороды не было наследников — и все его достояние поступило его вдове. Одну часть его богатств она употребила на то, чтобы выдать свою сестру Анну за молодого дворянина, который уже давно был в нее влюблен; на другую часть она купила братьям капитанские чины, а с остальной она сама вышла за весьма честного и хорошего человека. С ним она забыла все горе, которое претерпела, будучи женой Синей Бороды.

Шарль Перро
- Волшебные сказки

Ответственный редактор: Парамонов С.Н.
Художественный редактор: Решетиленко П.А.
Дизайн и компьютерная верстка: Гынкул Л.Л.
Корректор: Шклярова Г.Н.

П 27 Перро Ш.

Волшебные сказки / Ш.Перро; пер. с фр. И.Тургенева; рис. Г. Дорэ.
– Новое изд., перепеч. с изд. 1867 г. — Пятигорск: СНЕГ, 2012. — 120 с. : ил.

ISBN 978-5-903129-38-6

По всем вопросам приобретения и распространения обращаться:
ООО Издательство «СНЕГ». Россия, Ставропольский край,
357500 г.Пятигорск, ул. Делегатская, 97. sneg@sneg-design.ru
www.sneg-izdat.ru

Внимание покупателей!

Книги издательства «СНЕГ» вы можете приобрести также
у наших официальных дилеров по адресам:
В Москве: ЗАО «Книжный Клуб 36.6»
Заказ книг по телефону: 8(495)926-45-44
E-mail: club366@club366.ru; www.club366.ru
В Краснодаре: ООО «Когорта»
350033, г. Краснодар, ул. Ленина, 101
Тел.: 8(861)262-36-08, e-mail: kogorta_sklad@mail.ru
В Черкесске: ОАО «Карачасво-Черкесский республиканский книготорг»
369001, г. Черкесск, пр-т Ленина, д. 62
Тел.: 8(8782)23-34-89, e-mail: knigotorg@mail.ru
Во Владикавказе: ООО «Респект»
362000, г. Владикавказ, ул. Джанаева, 20
Тел.: 8(8672)53-05-52, 54-56-98
E-mail: vladkniga@inbox.ru; www.vladkniga.ru
В Пятигорске: «Твоя книга»
357500, г. Пятигорск, ул. Береговая, 14.
Тел.: 8(8793)39-02-53
E-mail: magazin2@kmy-book.ru; www.kmy-book.ru

Заказ № 49

Подписано в печать 15.02.2012. Формат 72x104 1/8. Бумага мелованная. Гарнитура BodoniC
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии ИП Ютишев А.С.
Ростов-на-Дону. 2012 г.